

Ния Штцу

**Пепел нашей любви.
Чужак среди чужих**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ния Шпиц

**Пепел нашей любви.
Чужак среди чужих**

«Автор»

2026

Шпиц Н.

Пепел нашей любви. Чужак среди чужих / Н. Шпиц — «Автор», 2026

В мире, где свет и тьма много лет кормили войну кровью, целительница Лирэль совершила невозможное. Она нарушила закон, сорвала казнь и увела в ночь темного принца. Их побег стал искрой. Искра превратилась в пламя, которое могло либо сжечь семь королевств дотла, либо выковать из пепла новый мир. За ними гонятся не просто армии. За ними идет сама ярость рас. Брат-близнец принца, чье лицо скрыто серебром маски и холодной решимостью. Бывший жених Лирэль, чья честь превратилась в клинок. На их пути — древние кольца, пробуждающие запретную магию, и звери, что приходят не как спутники, а как знаки: ониксовые пумы, белый дракон, ястреб с глазами расплавленного золота. Но магия Древних не знает жалости. Чтобы вырвать его из лап смертельного яда, Лирэль должна заключить ритуал, цена которого — не жизнь, а сама суть её «я». Она готова стереть себя, чтобы он выжил. И когда кольца сомкнутся, война закончится... Как любить того, чье лицо ты больше можешь не узнать?

© Шпиц Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро перед бурей	5
Глава 2. Вкус пепла на губах	10
Глава 3. Совет семи корон	17
Глава 4. Тени за спиной	21
Глава 5. Пленница в городе теней	28
Глава 6. Лед её взгляда против пламени его клинка	35
Г	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пепел нашей любви. Чужак среди чужих

Глава 1. Утро перед бурей

*«В год Тысячи Лун, когда темная
кровь пролилась на светлые земли,
Совет Королей постановил: отныне и
навечно дитя Тьмы и дитя Света не
могут стоять на одной земле, не
осквернив её. Запрет скреплен
семью печатями. Нарушивший умрет
дважды — телом и именем».*

Лирэль проснулась от запаха крови. Не своей, а чужой. Этот запах вьелся в ткань полога, в деревянные балки шатра, в сами пальцы, которые каждое утро сжимали бинты и травы. Он был густым, сладковатым, тошнотворным — запах, от которого у нормальных людей сводит желудок, но для неё он стал таким же привычным, как запах утреннего хлеба.

Лирэль Элиан, дочь Верховного Лорда Совета, младшая целительница лагеря, уже не помнила, когда в последний раз видела сон без красных пятен. Она села на лежанке, и холодный воздух тут же пробрался под одеяло — тонкое, солдатское, не спасающее от предрассветной сырости. Кожа покрылась мурашками. За пологом шатра было тихо. Слишком тихо для лагеря, где живут три тысячи солдат.

— Проснулась? — Голос наставницы Айрин прозвучал глухо, как удар мокрой тканью. Лирэль откинула край одеяла. Тело ныло после вчерашнего — двадцать раненых после стычки с разведкой орков. Орки не были главным врагом. Главный враг ждал в тени, за Туманным хребтом.

Война длилась дольше, чем помнили летописи. Темные, вышедшие из-под земли за светом, и Светлые, защищающие свои рубежи. Тысячелетняя мясорубка, в которой гибли те, кто просто хотел жить.

— Совет собирается через час, — продолжила Айрин, не оборачиваясь. Она перебирала склянки с настоями, и её спина была напряжена, как тетива.

— Ты нужна лорду Элиану.

Лирэль опустила ноги на холодный каменный пол, и мурашки побежали по коже уже не от холода. Она была похожа на отца — те же светлые волосы, тот же холодный разрез глаз, те же тонкие пальцы. Но в отличие от него, она не умела ненавидеть по приказу. Она посмотрела на свои руки. Под ногтями — засохшая кровь. Вчера она перевязывала мальчишку, ровесника, которому меч вспорол живот. Он смотрел на неё и повторял: «Я не хочу умирать, госпожа, я не хочу...» А через час умер. Она ничего не могла сделать.

— Опять раненые? — спросила она, натягивая тунику. Ткань была грубой, колючей — форма простого лекаря, не дочери лорда. Айрин медленно повернулась. Её лицо, изрезанное морщинами, как старая кора, было бледнее обычного. В глазах — тень страха, которую Лирэль видела впервые за три года службы.

— Хуже. Пленные.

До этого момента пленных не приводили в лагерь. Лирэль шла, и каждый шаг отдавался в висках. Лагерь просыпался. Солдаты чистили оружие, кони били копытами, где-то ругались повара у котлов. Пахло дымом, лошадиным потом, кашей и страхом: последний запах витал в воздухе постоянно, хоть никто и не признавался. Солдаты расступались перед ней — не из почтения к целительнице, а из почтения к крови. Дочь главы Совета короля эльфов и невеста

лорда Вэйна. Два клейма, которые защищали её лучше любой стражи. Но сегодня взгляды были другими.

Сегодня в них читалось что-то, от чего внутри сворачивался холодный комок. Жалость? Злорадство? Предвкушение?

— Туда, госпожа. — Стражник указал на главный шатер Совета. Тот самый, где принимали решения, от которых зависели жизни тысяч.

Шатер был огромен: белый, с золотыми нашивками, увенчанный флагами семи домов. Лирэль толкнула тяжелый полог. Внутри было темно. Свет проникал только через прорези в крыше, вычерчивая длинные полосы на земляном полу. В этих полосах плясали пылинки.

В центре, на каменном алтаре (бывшем жертвеннике древних, как говорили старики), лежало тело. Нет. Не тело. Темный эльф. Лирэль видела их только на картинках в отцовских свитках. И в кошмарах, которые рассказывали вернувшиеся с границы. Он был огромен. Для неё, привыкшей к изящным фигурам светлых, любое тело темной расы казалось грубым, но этот... Этот был совершенен в своей опасности. Черные доспехи, посеченные мечами, обнажали руку, покрытую татуировками — не рисунками, а письменами. Язык Теней. Каждая буква была острой, как лезвие, и, казалось, шевелилась при взгляде. Грудь медленно вздымалась, жив. Без сознания, но жив.

Его руки и ноги стягивали наручники из черного железа, испещренные рунами подавления. Магия давила на воздух вокруг алтаря тяжелым, статическим гулом, от которого у Лирэль заныли зубы. Четверо стражников с серебряными наконечниками копий стояли по периметру, но при её входе отступили на шаг.

— Не подходи. Голос отца прозвучал резко, как пощечина. Он стоял у входа, сложив руки на груди. Высокий, седой, с лицом, вырезанным из камня. Рядом с ним — лорд Вэйн, её жених. Высокомерный, красивый, именно той холодной красотой, от которой не хочется тепла, а хочется сбежать.

— Он опасен даже в беспамятстве, — добавил Вэйн, и в его голосе скользнуло что-то похожее на ревность.

— Мы не знаем, какие чары он может навести на светлую деву.

Лирэль посмотрела на жениха. Золотоволосый, голубоглазый, идеальный. Она должна была любить его. Вместо этого её тошнило от одного его вида.

— Я целитель, — ответила Лирэль, чувствуя, как внутри закипает злость. — Я должна осмотреть его.

— Ты должна готовиться к свадьбе, — отрезал отец. — Через месяц война. Союз с домом Вэйна нужен нам как воздух. Война, свадьба, союз: слова, которые определяли её жизнь с момента рождения. Лирэль сделала шаг к алтарю. Еще один. Еще.

— Я осмотрю его, — повторила она тихо, но так, что отец не посмел возразить. Вэйн дернулся, но лорд Элиан остановил его жестом. Пусть. Пусть посмотрит. Все равно темный не жалец. Пленник не шевелился. Лирэль склонилась над ним, и первое, что она увидела — его лицо. Темные эльфы не были уродами. Об этом забывали сказать старые свитки. Он был красив. Той тяжелой, опасной красотой, от которой перехватывало дыхание. Острые скулы, жесткая линия губ, шрам, рассекающий бровь. Длинные черные волосы разметались по камню, и в них запуталась сухая трава. И уши. Чуть длиннее, чем у светлых, тоньше, с едва заметным изгибом назад. Хищные. Чужие. На шее, под разорванным воротом, блеснула цепочка. Тонкая, серебряная, с маленьким кулоном. Лирэль не разглядела, что там: камень, символ? Но что-то в этом кулоне притягивало взгляд.

Она протянула руку, чтобы коснуться его лба и проверить жар. Кожа была горячей. Не просто теплой, а обжигающей, как печной камень. Под пальцами бился пульс: сильный, ровный, чужой. Она никогда не трогала темных. Она заметила и другие раны — глубокие порезы

на руках, следы от пут на запястьях. Те, что он получил в плену. Но они уже не кровоточили. Темные эльфы восстанавливались быстро.

И в этот миг его глаза открылись. Черные. Нет, не просто черные. Бездонные. В них не было зрачков, не было радужки. Только тьма, в которой, если взглядеться, загорались крошечные искры, как звезды в ночном небе. Он смотрел на неё. Не на отца за её спиной, не на мечи стражников. Только на неё. И в этом взгляде не было ненависти. Было что-то другое. Что-то, от чего внутри растаял тот самый холодный комок и превратился в жар.

— Не бойся, — прошептал он. Голос был низким, хриплым от ран, но в нем звучала странная, пугающая нежность.

— Я не трону тебя. Ты пахнешь не войной. Ты пахнешь жизнью.

Лирэль замерла. Его голос обволакивал, проникал под кожу, заставлял сердце биться быстрее. Она должна была отдернуть руку. Должна была закричать, позвать стражу. Но она не могла.

— Замолчи! — рявкнул Вэйн, бросаясь вперед.

Но Лирэль не отводила взгляда. Её пальцы все еще лежали на его лбу. Кожа горела. Пульс бился. Он был живой. Не чудовище. Не тварь. Живой.

— Как тебя зовут? — спросила она шепотом.

Он улыбнулся одними уголками губ. Улыбка вышла кривой, горькой, но в глазах мелькнуло что-то теплое.

— А тебе зачем, светлая? Чтобы знать, кого хоронить?

— Чтобы знать, кого лечить. Пауза. Тишина в шатре стала такой плотной, что, казалось, её можно было резать ножом. Даже Вэйн замер, не веря своим ушам.

— Кэйлен, — ответил он наконец. — Меня зовут Кэйлен. И я умру сегодня. Твои сородичи уже решили.

Лирэль обернулась. Отец смотрел на неё с ледяным спокойствием. Вэйн — с бешенством, искажившим его красивое лицо до неузнаваемости. Стражники держали мечи наготове.

— Он прав, дочь, — сказал лорд Элиан. — Пленный темный не доживет до заката. Таков закон.

Лирэль знала этот закон. Она выросла на нем. Его вдолбили в неё с молоком матери: темные — звери, темные — враги, темные не заслуживают жизни. Но сейчас, глядя в эти черные глаза, чувствуя под пальцами чужой жар, слушая этот странный, обволакивающий голос, она вдруг поняла то, что изменит всё. Закон — это не всегда правда.

— Я буду его лечить, — сказала она. И мир вокруг неё начал рушиться. Её увели под конвоем. Не в шатер, а в отдельную палатку, подальше от пленника. Маленькую, грязную, уставшую от войны. Отец сказал коротко: «Ты наговорила глупостей. К утру пройдет».

Но не проходило. Лирэль сидела на жесткой лежанке и смотрела на закат сквозь щель в пологе. Солнце опускалось за Туманный хребет, окрашивая небо в багровые тона. Цвет крови. Цвет смерти. Она сжала пальцы и вдруг почувствовала жар на кончиках. Тот самый жар. От его лба. Он остался на её коже, въелся, как клеймо. Она поднесла руку к лицу и понюхала. Пахло железом, дымом и чем-то еще: терпким, чужим, темным. Этот запах не выветривался. Где-то там, в главном шатре, Кэйлен ждал своей участи. Она знала, как убивают пленных темных. Сначала — допрос. Потом — ритуальный меч. И никто не вспомнит, что у него был этот странный, пугающе нежный взгляд. Лирэль закрыла глаза и увидела его лицо. Шрам на брови. Черные волосы. Улыбку. И эти глаза: бездонные, с искрами. «Ты пахнешь жизнью». В лагере затрубили в рог.

Сигнал сбора. Лирэль вскочила. Сердце забило где-то в горле, перекрывая дыхание. Она выглянула наружу. Солдаты строились в боевые порядки. Стражники бежали к главным воротам. Кони ржали, эльфы кричали, где-то плакали раненые, которых вытаскивали из шатров. А над шатром Совета поднимался черный дым. Дым сигнального костра.

— Нападение! — закричал кто-то.

— Темные идут! Прорыв на северной границе! Война. Она началась. И в этой суматохе, когда все бросились к стенам, когда отец и Вэйн умчались командовать обороной, когда стражники забыли про маленькую палатку с дочерью лорда, Лирэль поняла: у неё есть только один шанс. Она побежала к шатру Совета. Стражников не было. Все ушли на стены. Лирэль ворвалась внутрь, задыхаясь. Кэйлен лежал на том же алтаре. Живой. Он повернул голову, и в его черных глазах мелькнуло удивление. Потом — что-то другое. Надежда?

— Ты? Зачем?

— Затем, что я не хочу, чтобы ты умирал сегодня, — выдохнула она, хватая его за руку. — Вставай. Можешь идти?

Лирэль знала, как снимают боевые оковы — видела, как это делают стражники. Пальцы нащупали под чёрным железом потайную пластину. Резкий щелчок — и наручники разомкнулись. Руны на металле погасли, высвобождая скованную магию. Кэйлен глубоко вдохнул, разминая затекшие, покрытые глубокими ссадинами запястья. Кровь выступила снова, но он даже не поморщился. Он приподнялся, и его лицо исказилось от боли. Раны на боку и плече открылись, потемнела повязка.

— Смогу. Но... — Он посмотрел на неё, и в его взгляде было столько всего, что слова стали лишними.

— Твои сородичи убьют тебя за это.

— Мои сородичи убьют меня за то, что я родилась женщиной в мире мужчин, — горько усмехнулась Лирэль.

— За то, что посмела иметь свое мнение. За то, что не захотела быть куклой в постели лорда Вэйна. — Она дернула его за руку.

— Вставай. Или я уйду одна. Он встал. Опираясь на неё, тяжело дыша, хватаясь за плечо, но встал. Его рост подавлял, она доставала ему только до подбородка. Рядом с ним она чувствовала себя маленькой, хрупкой, но почему-то защищенной. Снаружи гремела битва. Крики, лязг металла, рев орков: всё смешалось в один сплошной гул. Где-то взорвалась магия — небо полыхнуло синим.

— Куда? — спросил он. Лирэль посмотрела на запад, где заходящее солнце золотило верхушки Туманного хребта. Там, за горами, начинались нейтральные земли. Там не было ни светлых, ни темных. Там были только камни, снег и свобода.

— Туда. Где нет ни светлых, ни темных. Где есть только мы. Он усмехнулся — впервые по-настоящему, без боли. Усмешка вышла кривой, но в глазах зажглись те самые искры.

— Ты сумасшедшая, светлая.

— Я знаю. Она сжала его руку. Он сжал в ответ. И они побежали. Они не видели, как из-за шатра вышел человек. Лорд Вэйн смотрел им вслед, и его красивое лицо было перекошено от ярости. Пальцы сжимали эфес меча так, что побелели костяшки.

— Сука, — прошептал он. — Маленькая светлая сучка. Рядом с ним бесшумно появилась фигура в темном плаще — один из его личных шпионов.

— Прикажете догнать, лорд?

Вэйн молчал долго. Смотрел, как два силуэта исчезают в дыму и пламени.

— Нет, — сказал он наконец. В голосе звенела сталь.

— Пусть бегут. Пусть думают, что спаслись. Он повернулся к шпиону, и в его глазах горела такая ненависть, что даже опытный убийца отшатнулся.

— Пошли весть темным. Скажи, что их принц сбежал со светлой шляхой. Пусть знают, что Кэйлен — предатель. Пусть охотятся на него сами. Шпион склонил голову.

— А девка, лорд?

Вэйн улыбнулся. Улыбка была страшнее любой угрозы.

— А девку я прибью сам. Когда придет время. Сначала пусть побегает. Чем дольше она надеется на спасение, тем слаще будет её отчаяние, когда я верну её в клетку.

Он развернулся и пошел к стенам — командовать обороной, спасти лагерь, делать вид, что он благородный лорд. А в небе над лагерем уже сгустились тучи. Война только начиналась.

Глава 2. Вкус пепла на губах

Лес горел. Не просто горел, а задыхался в огненной агонии. Стволы вековых сосен раскалывались с оглушительным треском, роняя в ночь снопы искр, и те, кружась, оседали на беглецов горячим пеплом. Воздух стал густым, горьким, обжигающим. Каждый вдох отдавался болью в легких, словно вместо кислорода в них вливался расплавленный металл.

Лирэль спотыкалась о корни, которые не видела в темноте. Ноги подкашивались, сапоги скользили по мокрой от росы и пепла траве. Она упала бы уже десять раз, если бы не рука, которая каждый раз успевала подхватить её прежде, чем ноги коснутся земли. Кэйлен...

Раненый темный эльф бежал быстрее здоровой светлой. Эта мысль жгла сильнее, чем пепел, оседающий на коже. Лирэль чувствовала, как его пальцы сжимают её запястье. Такие горячие, несмотря на холод ночи, цепкие, чуть влажные от крови, сочащейся из-под повязки.

— Стой, — выдохнула она наконец, вырывая руку и хватая его за плечо. — Я... не могу. Нужно передохнуть.

Он остановился мгновенно, даже не сбавляя шага, а просто застыв, будто вообще не чувствовал усталости. Только тяжелое, рваное дыхание выдавало, чего ему стоила эта гонка. Грудь вздымалась под разорванной кольчугой, и в полумраке Лирэль видела, как темная кожа блестит от пота.

— Здесь нельзя, — выдал он напряженно, с хрипотцой. — Они уже ищут. Твои. Мои. Всем плевать, кто ты. Если поймают...

— Я сказала — стой.

Она упала на колени прямо в палую листву, жадно глотая воздух. Ладони упирались в землю, и под пальцами чувствовалась гарь. Лес горел где-то совсем рядом. Где-то там, за стеной огня, погибали те, кто еще вчера был её народом.

Кэйлен замер над ней. Потом медленно, словно принимая решение, которое могло стоить им обоим жизни, опустил рядом.

— Пять минут, — сказал он, и в его голосе звякнул металл. — И идем дальше. Если не хочешь к утру стать либо трупом, либо невестой лорда Вэйна.

Лирэль подняла голову и посмотрела на него в упор. Даже в темноте, даже сквозь пелену дыма и усталости, этот взгляд прожигал насквозь. Черные глаза: без зрачков, без радужки, только бездонная тьма, отражали далекое зарево пожара, и в них танцевали красные искры. Казалось, сама ночь смотрит на неё его глазами.

— Ты всегда такой заботливый? — спросила она с горькой усмешкой. Губы треснули от жара, и она чувствовала вкус крови — своей, чужой, перемешанной с пеплом. — Или только со светлыми пленницами, которые рискуют жизнью ради тебя?

Он не ответил. Отвернулся, всматриваясь в ночь, прислушиваясь к звукам леса. Его острые уши длиннее, чем у светлых, с хищным изгибом назад, слегка подрагивали, ловя каждый шорох.

— Я не просил тебя спасти меня, — сказал он тихо.

— А я не спрашивала разрешения.

Повисла тишина. Где-то далеко завывали волки. Или орки. Или те и другие вместе, сейчас уже не различить. Вой был низким, голодным, торжествующим. Они чуяли кровь и дым.

Лирэль посмотрела на свои руки. Ладони были черными от сажи, под ногтями запекшаяся кровь. Чужая. Она не помнила, когда успела испачкаться. Кажется, когда тащила его через лагерь.

— Красивые руки, — вдруг сказал Кэйлен, не глядя на неё. — Таким рукам нет места в войне.

Она удивленно подняла брови.

— Ты сейчас пытаешься меня очаровать?

— Я констатирую факт. — Он наконец повернулся. — У светлых эльфиек обычно руки как у кукол: тонкие, белые, гладкие. А у тебя... — Он замолчал.

— У меня?

— У тебя руки целительницы. Мозоли на подушечках от трав, шрамики от ножей, которыми режешь бинты. И кожа теплая. Светлые обычно холодные. А ты, теплая.

Лирэль почувствовала, как краска заливает щеки. Среди светлых это считалось неприличным, так пристально рассматривать чужое тело. Но здесь, в темноте, среди огня и смерти, это почему-то не казалось грубым.

— Ты странный, — прошептала она.

— Я знаю.

— Дай посмотрю. Лирэль потянулась к его боку, туда, где на темной коже проступало что-то влажное.

Кэйлен перехватил её запястье раньше, чем она успела коснуться. Его пальцы сомкнулись на её руке, как стальные кандалы.

— Не надо.

— Ты истекаешь кровью, идиот.

— Я сказал — не надо.

Он сжал её руку так, что хрустнули кости. Лирэль запищала от боли, но не рванулась. В упор глядя в эти бешеные черные глаза, она медленно произнесла.

— Я целительница. Это единственное, что я умею. Позволь мне сделать хоть что-то.

Секунда. Две. В его глазах мелькнуло что-то: не боль, не злость, а удивление. Словно он впервые видел существо, которое не боится его хватки. Он разжал пальцы.

— Быстро, — бросил он. — И если услышишь шаги, беги без оглядки. Даже если я останусь.

Она не ответила. Просто разорвала подол своей туники. Когда-то белой, расшитой золотыми нитями (подарок матери перед отправкой в лагерь), теперь серой от пепла и бурой от крови. Золото почернело.

Под туникой открылась тонкая рубашка из светлого шелка. Лирэль разорвала и её, обнажая полоску кожи над животом, но сейчас было не до стыда. Она прижала ткань к ране.

Глубокая рваная рана. Лезвие вспоролось мышцы от лопатки до поясницы, обнажив кость. Кровь хлестала обильно, заливая всё вокруг, но главное — легкие были целы. Он мог дышать. Хоть и со свистом, сквозь зубы.

— Терпи, — прошептала она, надавливая сильнее.

Кэйлен дернулся всем телом, сильной дрожью, но не издал ни звука. Только челюсть сжалась так, что желваки заходили под кожей, а на шее вздулись жилы. Лирэль чувствовала, как под её пальцами пульсирует его кровь. Горячая, густая, живая. У темных эльфов кровь темнее, чем у светлых. Почти черная в темноте, но сейчас, на её светлой коже, она казалась просто очень темно-красной.

— Зачем? — спросил он вдруг. Голос сел, стал хриплым, почти неузнаваемым.

— Что — зачем?

— Зачем ты это делаешь? Я враг. Я темный. Если бы наши встретились на поле боя, я бы убил тебя, не задумываясь.

Лирэль подняла глаза от раны.

— Убил бы?

Он молчал.

— Смотри на меня, — приказала она. — Ты правда убил бы? В темноте его глаза горели, как раскаленные угли. И в них было что-то, от чего у неё перехватило дыхание.

— Раньше — да, — сказал он хрипло. — Раньше я убивал светлых и не считал. Они были для меня просто... силуэтами. Врагами. Расой, которую надо уничтожить. А теперь...

— Теперь?

— Теперь я смотрю на тебя и думаю: как я буду жить дальше, зная, что где-то есть женщина, которая смотрит на меня не как на зверя? Которая прикасается ко мне не чтобы убить, а чтобы... спасти?

Лирэль замерла. Её пальцы все еще прижимали ткань к его ране. Его кровь смешивалась с её потом. Где-то горел лес, и треск огня звучал как погребальный костер. Где-то выли орки. А здесь, в этом крошечном клочке ночи, двое врагов смотрели друг на друга и не могли отвести взгляд.

— Ты странный темный, — прошептала она.

— Ты странная светлая, — ответил он.

И впервые за эту ночь улыбнулся. По-настоящему. Не той кривой усмешкой, а мягко, почти нежно. Уголки губ дрогнули, и на мгновение Лирэль увидела в нем не воина, не убийцу, а просто... мужчину. Уставшего, раненого, живого. Это изменило всё.

Внутри неё что-то щелкнуло: не в сердце, нет, глубже. В душе. Там, где хранятся самые потаенные чувства. Она вдруг поняла, что не хочет, чтобы эта ночь заканчивалась.

А он смотрел на неё и видел впервые. Не целительницу. Не дочь лорда. Не светлую, которую положено ненавидеть. Он видел нечто другое.

Волосы — пепельно-белые, выгоревшие на солнце, сейчас были перепачканы сажей и пеплом, слиплись в неровные пряди, и в них запутались сухие листья. Но даже сквозь грязь он видел, какими они были в шатре, когда свет падал сверху: серебряными, струящимися, как водопад в лунную ночь.

Лицо. Он запомнил его в момент, когда она склонилась над ним, и свет факелов бил снизу. Острые скулы — не такие, как у темных, а тоньше, изящнее, словно вырезанные из слоновой кости. Подбородок с ямочкой — она появилась, когда она улыбнулась, сказав «чтобы знать, кого лечить». Губы — бледные сейчас, потрескавшиеся от дыма и жажды, но он помнил их цвет в шатре: нежный, розовый, как лепестки альбрас, что цветут на светлых полянах.

Глаза. Самые странные глаза, которые он видел. Цвета осеннего леса. Не просто зеленые. В них были золотые искры у зрачка, темная кайма по краю, и глубокий, бархатный изумруд в середине. Сейчас, в темноте, они казались почти черными, но когда отсветы пожара падали на лицо, они вспыхивали, как два драгоценных камня, хранящих тепло. Он смотрел в них, и ему казалось, что он тонет.

Её кожа была светлой — не белой, как у большинства светлых, а с легким золотистым отливом, как старый мед. В лагере, под туникой, она казалась холодной, но сейчас, когда они лежали так близко, он чувствовал исходящее от неё тепло. Светлые были холодными — все, кого он встречал в бою, пахли льдом и смертью. А она пахла...

Он втянул воздух носом, и запах ударил в голову. Трава. Не та, что сушат для настоек, а живая, только что сорванная, с каплями росы на стеблях. Мед. И что-то еще — цветочное, сладкое, почти неуловимое. Не духи — он знал, что светлые эльфийки не пользуются духами в лагере. Это был её собственный запах. Запах жизни.

А ещё на её шее, чуть ниже ключицы, виднелась тонкая серебряная цепочка. На ней висел маленький кулон в виде листа — символ целителей. Цепочка сбилась во время бегства, и теперь кулон лежал на груди, поблескивая в слабом свете. Кэйлен почему-то захотелось коснуться его. Просто прикоснуться. Убедиться, что она настоящая.

Она была маленькой. Для эльфийки, даже для светлой, казалась хрупкой. Руки тонкие, запястья такие, что можно обхватить двумя пальцами. Но в этих руках была сила — он почувствовал, когда она прижимала повязку к его ране. Пальцы дрожали, но нажим был уверенным. Руки женщины, которая знает, что делает.

— Ты смотришь на меня, — сказала она вдруг, не поднимая глаз от его раны. Голос был тихим, но в нем слышалась усмешка.

— Я не стеклянная, не разобьюсь.

— Я знаю, — ответил он. — Ты уже сломала все мои представления о светлых. Дальше некуда.

Она подняла глаза. И в этот миг, в полумраке горящего леса, под вой орков и треск огня, он понял, что пропал. Не тогда, когда она спасла его. Не тогда, когда она выбрала его вместо своих. А сейчас. Когда она посмотрела на него так, будто он не чудовище.

— У тебя красивые глаза, — сказал он. Слова вырвались прежде, чем он успел их остановить.

Лирэль удивленно моргнула. Потом — медленно, очень медленно, улыбнулась. И в этой улыбке не было ни вызова, ни насмешки. Только смущение. Только та самая нежность, которую она прятала за дерзостью.

— У тебя тоже, — сказала она. — Я таких никогда не видела. Черные... но в них есть свет. Странно.

— Странно, — повторил он.

Они смотрели друг на друга, и время вокруг замерло. А потом где-то в лесу хрустнула ветка, и реальность ворвалась обратно.

— Идут.

Кэйлен вскочил мгновенно, забыв о ране. Пустые руки. Но когда первая тень метнулась к нему из мрака, он перехватил запястье нападающего, с хрустом вывернул кисть и вырвал из его рук черный клинок. Лирэль даже не успела моргнуть, как в руке Кэйлена уже сияла смерть. Меч был темным, матовым, не отражающим свет. Казалось, сама тьма застыла в форме лезвия.

— Сколько? — спросила она, тоже вставая. Ноги дрожали, но она заставила себя выпрямиться.

— Много. Человек десять. Может, больше.

— Светлые?

Он не ответил, и отвернулся.

Она вдруг остро осознала, что мост сожжен. Отец больше не защитит её. Вэйн, если поймает, не будет церемониться. А эти темные, что крадутся в ночи...

— Беги, — сказал Кэйлен, не оборачиваясь. Он стоял к ней спиной, широкоплечий, неподвижный, как скала. — Я задержу их.

— Ты ранен! Ты не выдержишь и минуты против десяти!

— Значит, умру. — Он повернул голову, и в его глазах не было страха. Только спокойная, холодная решимость. — Но ты будешь жить.

— Нет.

— Что?

— Я сказала — нет. — Лирэль шагнула вперед и встала рядом с ним, плечом к плечу. Она чувствовала жар его тела даже сквозь одежду.

— Я не для того тащила тебя через пол лагеря, чтобы ты тут геройски подышал. Будем драться вместе.

— Ты целительница, а не воин.

— А ты плохо знаешь целительниц.

Она вытащила из-за пояса кинжал. Маленький, почти игрушечный по сравнению с его мечом, но на конце лезвия блестел какой-то странный зеленоватый налет. Травяной яд — её гордость. Светлые не одобряли отравленное оружие, но Лирэль всегда считала, что в войне хороши любые средства.

— Яд? — удивился Кэйлен, покосившись на клинок.

— Снотворное. Сильнейшее. Если попадет в кровь — заснет даже медведь. А если в глаз... — она хищно улыбнулась, и в этой улыбке мелькнуло что-то от темных. — Ну, глаз ему уже будет не нужен.

Кэйлен рассмеялся. Коротко, хрипло, но искренне. Так смеются в последний раз перед смертью — отчаянно, зло, освобождаясь.

— Ты чудовище, светлая.

— Я знаю. А теперь заткнись и приготовься.

Лес вокруг них ожил. Тени отделились от деревьев. Множество теней, бесшумных, быстрых, смертоносных. Они текли между стволов, как черная вода, и в каждой тени поблескивал клинок. Разведка темных эльфов.

Лирэль сжала рукоять кинжала так, что побелели костяшки. Ладонь вспотела. Сердце колотилось где-то в горле. Рядом с ней Кэйлен сделал один-единственный вдох: глубокий, ровный. И замер. Она будто почувствовала: он не боится. Совсем. Для него это просто еще одна схватка. Еще одна смерть и ночь. А для неё — первая.

Первый напал со спины. Кэйлен развернулся молниеносно, даже раненым он двигался быстрее, чем любой светлый воин. Сталь встретила сталь, высекая сноп искр, золотых на фоне черного леса. Удар, еще удар.

Лирэль не стояла столбом. Она упала на колено, пропуская над головой чей-то клинок, и ткнула своим кинжалом в ногу нападавшего. Лезвие вошло мягко — она даже не ожидала, что плоть так легко поддается.

Темный взвыл — не от боли, а от удивления. Яд начал действовать мгновенно. Нога подкосилась, он рухнул, суча конечностями и хватаясь за воздух.

— Один есть! — крикнула она, и в голосе звенела истерическая гордость.

Кэйлен сражался с тремя сразу. Его клинок танцевал в воздухе — черная молния, отбивающая удары, наносящая свои. Кровь — то ли его, то ли чужая летела во все стороны, темными брызгами оседая на листьях. Еще один темный рухнул, хватаясь за горло.

— Два!

Но их было слишком много. Кэйлен пропустил удар. Меч полоснул по его уже раненому боку, и он пошатнулся. Этого мгновения хватило, чтобы второй клинок вонзился ему в плечо — с мерзким хрустом, с которым металл входит в мясо.

— КЭЙЛЕН!

Лирэль рванулась к нему, забыв о собственной безопасности. Мир сузился до одной точки — той, где он падал на колени, зажимая рукой рану.

И в этот миг из темноты вылетела стрела. У неё внутри всё оборвалось. Свои. За ней пришли свои. Нет, уже не свои. Те, кто еще час назад были её народом. Те, кто теперь будут убивать её за предательство.

Стрела командира просвистела в дюйме от её виска — лучники целились в ближайшую угрозу рядом с госпожой — и угодила в грудь темного, внесшего меч... Тот удивленно выдохнул, посмотрел на торчащее из груди оперение, и осел на землю.

Лирэль замерла. Из леса выходили эльфы: светлые лучники. Их плащи: белые с золотом, были перепачканы грязью, но на груди отчетливо виднелся герб: Совет Семи.

— Госпожа Лирэль! — крикнул один из них, опуская лук. — Мы нашли вас! Лорд Элиан послал нас!

Кэйлен посмотрел на неё. Он стоял на коленях, зажимая плечо, и в его глазах не было упрека. Не было страха. Было только одно — вопрос: «Ты с ними или со мной?»

У неё было мгновение на ответ. Мгновение, от которого зависело всё. Лучники приближались. Они еще не видели Кэйлена в темноте, не видели, что рядом с ней — темный. Но через секунду увидят. Еще пара шагов и факелы выхватят из мрака его остроухий силуэт. Выбор...

Лирэль посмотрела на светлых. На своих. На тех, кто еще вчера был её защитой. На знак Совета на их плащах. Потом перевела взгляд на Кэйлена. На его черные глаза, в которых плескалась ночь. На кровь, текущую по руке. На то, как он смотрит на неё так, будто она — единственное, что имеет значение.

— Сюда! — крикнула Лирэль, хватая Кэйлена за здоровую руку. — Бежим!

Она рванула его в противоположную сторону, прочь от света, прочь от спасения, прочь от всего, что было её жизнью.

В спину полетели стрелы. Одна пропорола воздух у самого уха. Она услышала тонкий свист и почувствовала, как прядь волос упала на плечо, срезанная наконечником.

— Предательница! — орал командир лучников, и его голос срывался на визг. — Она с темным! Схватить их!

Лирэль бежала. Ветки хлестали по лицу, оставляя кровавые царапины. Ноги заплетались. Кэйлен споткнулся, и она чуть не упала вместе с ним, но каким-то чудом удержала, потащила дальше. Вкус пепла был на губах. Горечь, боль, страх, отчаяние: всё смешалось в один отвратительный комок, который застревал в горле и не давал дышать.

Но рука Кэйлена была в её руке. Теплая. Живая. Его пальцы сжимали её запястье так, будто она его единственный якорь в этом мире. И это было самым важным в этот момент.

Они оторвались. Упали на какую-то поляну, когда силы окончательно иссякли. Лирэль не помнила, как долго бежала. Ноги гудели, в груди горело огнем, а перед глазамиплыли красные круги.

Она рухнула в высокую траву, мокрую от росы, и раскинула руки, глядя в светлеющее небо. Над головой медленно гасли звезды — ночь отступала. Рядом тяжело дышал Кэйлен. Его раны кровоточили, он был бледен настолько, насколько вообще может быть бледен темный эльф — кожа приобрела пепельно-серый оттенок.

— Ты... — прохрипел он, поворачивая голову. На губах выступила темная, густая кровь, смешанная со слюной. — Ты сумасшедшая...

— Я знаю.

— Они теперь убьют тебя. Свои же.

— Я знаю.

— Ты никогда не вернешься домой.

— Я знаю. Она повернула голову и посмотрела на него. Сквозь пелену усталости, сквозь боль и страх.

— Но я не одна, — сказала она тихо. — Ведь так?

Кэйлен смотрел на неё долго-долго. В его черных глазах, лишенных зрачков, отражался рассвет — первый свет, который они видели вместе. Потом он протянул руку и убрал с её лица прядь волос, слипшуюся от пота и пепла. Его пальцы дрожали от усталости, от боли, от чего-то еще, что она не смела назвать.

— Не одна, — ответил он.

И наступил рассвет. Первый рассвет в их новой жизни. Небо над горизонтом налилось розовым, потом золотым, потом алым. Где-то далеко все еще поднимался дым: горел лес, лагерь, её прошлый мир. Но здесь, на этой поляне, пахло мокрой травой и кровью, и двумя разбитыми сердцами, которые только начинали учиться биться в унисон.

Они не видели, как вдали, на опушке леса, замерла фигура. Высокий темный эльф стоял неподвижно, словно вырезанный из обсидиана. Половину его лица скрывала ритуальная маска из черного серебра. Искусная работа древних мастеров, повторяющая черты идеального лица, но мертвая, безжизненная, как посмертный слепок.

Там, где маска заканчивалась, открывалась кожа, покрытая тонкими шрамами — не хаотичными, а узорчатыми, словно кто-то специально наносил их, превращая увечье в подобие зловещей татуировки. Шрамы тянулись от лба вниз, к шее, исчезали под воротником плаща.

Глаза Валиана горели в полумраке холодным серебром. Не черные, как у брата, а светлые, почти белые, с вертикальными зрачками. Звериные глаза. Глаза того, кто слишком долго смотрел в бездну. Рядом с ним замерла ониксовая пума.

Зверь был огромен — ростом почти с лошадь, но поджарый, текучий, как ртуть. Его шерсть не отражала свет. Она впитывала его, делая пуму ходячей тенью. Казалось, зверь вырезан из самой темноты, что копится под камнями в безлунные ночи.

Только когда пума шевелилась, можно было заметить, как по черной шкуре пробегают багровые искры — словно внутри животного тлеет вулкан, сдерживаемый тонкой пленкой плоти. Пума зевнула, обнажив клыки длиной с ладонь взрослого мужчины. Из пасти вырвался не звук, а шепот — низкий, вибрирующий, заставляющий воздух дрожать. Казалось, сам воздух боится этого зверя.

— Тихо, Нокс, — Валиан опустил руку на голову зверя, и огромная кошка прикрыла глаза, довольно щурясь. Когтистая лапа пумы сжала землю, оставляя глубокие борозды. — Не спугни их.

Он смотрел на поляну, где двое лежали в обнимку, не подозревая о наблюдателе. Смотрел так, будто видел перед собой не брата и его светлую шлюху, а собственную погильель.

— Значит, вот ты где, брат, — прошептал Валиан, и в его голосе не было злости. Только странная, тягучая горечь, как у эльфа, который слишком долго пил яд и уже привык к его вкусу.

— Спасает светлую шлюху, пока я воюю за трон. Пока я гнию в своем проклятии. Он коснулся пальцами маски. Там, где под серебром скрывалась сожженная кожа. Лицо под маской заняло... Старая боль, никогда не утихающая.

— Ты помнишь, как это случилось, Кэйлен? — спросил он у ночного воздуха, будто брат мог его услышать.

— Я помню. Каждую секунду. Как огонь тек по лицу. Как плавилась кожа. Как я орал, а ты стоял и смотрел. Ты просто стоял и смотрел.

Пума тихо рыкнула, чувствуя настроение хозяина. Багровые искры на её шкуре забегали быстрее.

— Мы подождем, — усмехнулся Валиан, и в этой усмешке было что-то детское, обиженное, спрятанное глубоко под слоями ненависти и серебряной маски.

— Пусть бегут. Кровь не смоешь, брат. Куда бы ты ни утащил свою светлую шлюху, мой клин найдет вас. Я не просто убью тебя. Я заставлю её смотреть, как ты гниешь.

Но не исчез сразу, тени приняли его медленно, словно растворяя в себе. Сначала погасли серебряные глаза, став просто пустотой. Потом расплылась маска, сливаясь с темнотой. Потом — очертания пумы, только багровые искры еще несколько секунд горели в воздухе, как угольки, и гасли одна за другой. Последним исчез шепот, пронесшийся по лесу:

— Скоро увидимся, брат. Я принесу тебе подарок.

Лес замер. Тишина стала полной, даже птицы не пели, даже ветер стих. Только дым далеких пожаров все еще поднимался к небу, смешиваясь с рассветной дымкой. А двое на поляне спали, прижавшись друг к другу, и не знали, что их уже нашли. И что охота только начинается.

Глава 3. Совет семи корон

За тысячу лет до того, как первый темный эльф ступил на священную землю светлых, древние построили Белую Цитадель. Никто уже не помнил, как они выглядели и куда исчезли. Остались только стены — белый камень, который светился в темноте и его не брал ни меч, ни магия. Говорили, что в полнолуние внутри стен можно услышать шепот. Древние все еще наблюдали за потомками рас, которые пришли им на смену.

Сегодня стены Цитадели дрожали. Не от землетрясения, а от голосов. Семь королей собрались под одной крышей впервые за двести лет, и каждый привел с собой свиту, магов, телохранителей и амбиции.

Лирэль здесь не было. Ведь в этот самый момент она бежала через горящий лес, сжимая руку темного принца, и не знала, что её имя уже произносят в главном зале мира.

Главный зал Цитадели был огромен. Настолько, что противоположную стену едва можно было разглядеть. Она терялась в полумраке, подсвеченная лишь голубоватым сиянием самого камня. Колонны толщиной в вековой дуб уходили ввысь, теряясь в темноте где-то под сводами.

В центре зала — круглый стол. Тоже древний. Тоже белый. На его поверхности проступали письмена на забытом языке. Те, кто умел читать, говорили, что это законы, по которым жили древние. Законы, которые нынешние короли нарушали каждый день.

Вокруг стола — семь тронов. Не одинаковых, а каждый под стать народу, который представлял.

Трон людей был самым новым и самым нелепым: золото, бархат, резные львы. Люди любили пыль в глаза. Король Эдгар, грузный мужчина с красным лицом и маленькими злыми глазками, уже успел выпить три кубка вина, хотя Совет только начался.

Трон гномов — каменная глыба, грубо обтесанная, но удобная. Король Бротор, седой как скала, с бородой, заплетенной в десятки косичек, сидел неподвижно, как изваяние, и только пальцы барабанили по подлокотнику, показывая единственный нервный жест.

Трон орков был сделан из костей. Буквально. Черепа, позвонки, ребра: всё это складывалось в массивное кресло, от которого веяло смертью. Вождь Гракх, огромный, зеленокожий, с клыками, торчащими из нижней челюсти, не сидел — лежал, развалившись, и точил свой топор. Металл визжал о камень, и этот звук резал слух.

Трон светлых эльфов был тонким, изящным, словно сплетенным из живых ветвей. Король Таллиэн сидел прямо, как стрела. Рядом с троном, на месте первого советника, стоял Верховный Лорд Элиан. Отец Лирэль не выражал ничего. Только в уголках губ затаилась горечь.

Трон темных эльфов пустовал. Посередине, на нейтральной территории, стояли два маленьких стула для представителей малых народов — фавнов и полуросликов. Те жались, стараясь не привлекать внимания. А у стены, в тени колонны, стоял тот, кто не имел права здесь находиться.

Валиан не был королем. По закону темных, трон наследовал старший. Кэйлен был старше его на семь минут. Всего семь минут решали судьбу целого народа.

Валиан стоял в тени, прислонившись плечом к холодному камню, и смотрел на пустой трон брата. Смотрел так, будто мог прожечь его взглядом. Лицо почти полностью скрывала серебряная маска. Она была искусно сделана — повторяла черты идеального лица, те самые, что были у Кэйлена. Но за её прорезьями... за ними скрывалось нечто иное.

Валиан никогда не снимал маску при чужих. Никогда не показывал, во что превратила его магия в ту ночь, когда горел храм, а брат стоял рядом и ничего не делал. Рядом с ним, у ног, лежала ониксовая пума. Зверь был огромен, даже в расслабленной позе он занимал пространство, достаточное для трех человек. Шерсть не отражала свет, а впитывала его, делая пуму

ходячей дырой в реальности. Только когда зверь дышал, по бокам пробежали багровые искры. Словно внутри животного тлел вулкан.

Пума зевнула, обнажив клыки. Валиан машинально опустил руку ей на голову, и зверь замер, довольно щуря серебряные глаза, такие же, как у хозяина.

— Тихо, Нокс, — прошептал Валиан. — Еще не время.

— Время для чего? — раздалось сзади.

Валиан повернул голову. К нему подошел человек в сером плаще. Это советник короля людей, юркий, лысоватый, с глазами-бусинками.

— Для всего, — ответил Валиан, и его голос был гладким, как отполированный камень.

— Для речей, лжи, войны.

Советник нервно хихикнул.

— Вы необычный темный, лорд Валиан. Говорят, ваш брат...

— Мой брат, — перебил Валиан, и в голосе впервые мелькнуло что-то живое, — сбежал со светлой шляхой. Так что теперь я — единственный темный с правом голоса здесь.

Он оттолкнулся от стены и шагнул к свету. Пума встала следом, бесшумно, как сама смерть. Валиан вышел из тени и зал выдохнул.

Свет факелов скользнул по металлу, заставив маску вспыхнуть холодным блеском. Она закрывала нос и рот, шрамы и сплавившуюся кожу, но оставляла открытыми глаза. Оба. Серебристые, с вертикальными зрачками, они смотрели из-под серебряного обода чужим, хищным взглядом. Но форма бровей и разрез всё ещё выдавали в нём брата Кэйлена.

Но в том, как он двигался, чувствовалось что-то надломленное. Слишком плавно. Или слишком тихо. Будто он боялся, что любое резкое движение сбросит маску, и все увидят то, что под ней.

— Лорд Валиан, — король светлых Таллиэн поднялся с трона. Голос был холодный, как зимний ручей.

— Ваш брат официально объявлен предателем. По законам темных, теперь вы — наследник. Садитесь. Он указал на пустой трон. Валиан не двинулся с места.

— Я постою, — сказал он. — Мне так удобнее. Видеть лица всех сразу.

Он медленно обвел взглядом сидящих. Король людей поперхнулся вином. Вождь орков перестал точить топор и уставился на пуму, не скрывая интереса.

— Мы собрались здесь, — начал Таллиэн, — чтобы решить судьбу войны. Темные нарушают границы. Светлые потеряли три форпоста. Люди... — он покосился на Эдгара, — люди пока отсиживаются за стенами.

— А гномы сидят в горах и считают золото, — проворчал Бротор.

— А орки просто хотят убивать и жрать, — оскалился Гракх.

— Мы все чего-то хотим, — тихо сказал Валиан, и его голос перекрыл шум.

— Но пока мы спорим, мой брат и дочь лорда Элиана, бегут к нейтральным землям. И уносят с собой кое-что, что принадлежит не им.

Воцарила тишина. Таллиэн побледнел. Эдгар отставил кубок.

— О чем вы? — спросил король светлых.

Валиан улыбнулся — криво, одними уголками губ.

— О кольцах, конечно. Вы думали, я не знаю? Древние кольца, выкованные в начале времен. Темное у моего брата на шее. Светлое... — он посмотрел на Таллиэна, — светлое где-то в ваших землях, не так ли? Молчание затягивалось.

— Пророчество гласит, — продолжил Валиан, — что тот, кто соединит два кольца, получит власть над жизнью и смертью. Древние тексты толкуют это по-разному. Жрецы говорят о воскрешении павших и армиях, что поднимутся из праха. Но суть одна: тот, кто владеет кольцами, будет вершить судьбу мира. А магия такая не прощает слабости. Он сделал паузу.

— Мой брат и дочь лорда сейчас бегут вместе. Если они найдут второе кольцо... Если соединят их... Вы понимаете, что будет? Зал взорвался.

— Это пророчество — ложь! — вскочил кто-то из советников людей. — Древние сказки!

— Сказки? — Валиан шагнул ближе, и пума скользнула за ним, как черная река. — Я сам видел, как мой брат использовал Темное кольцо. Видел, как тени убивают по его приказу. Это не сказки.

— Даже если кольца существуют, — подал голос Бротор, — они хранятся в надежных местах. Темное у темных. Светлое у светлых. Ваш брат не отдаст свое, а светлая, вряд ли знает, где искать второе.

— Она целительница, — тихо подал голос Элиан. Король лишь кивнул, не перебивая первого советника. — Если она почувствует кольцо... Если магия откликнется... Он не договорил.

— Значит, надо найти их раньше, — отрезал Валиан. — И убить обоих.

— Убить? — Таллиэн встал.

— Она сбежала с врагом, — в голосе Валиана проступила сталь. — Она предательница. По законам любой расы, предателей казнят.

— Она целительница!

— Она женщина, которая сделала выбор. И теперь этот выбор может стоить жизни всем нам. Гракх хмыкнул, явно наслаждаясь зрелищем. Эдгар налил себе еще вина. Бротор барабанил пальцами по камню.

— Что вы предлагаете? — спросил наконец король гномов. Валиан обвел взглядом зал.

— Объединить усилия. Послать отряды — от каждой расы. Люди дадут следопытов. Гномы оружие. Орки силу. Светлые магию. Темные... — он коснулся маски, — темные дадут меня.

— А что получите вы? — прищурился Эдгар.

— Трон, — просто ответил Валиан. — Мой брат мертв — я король. А кольца... Кольца мы уничтожим. Чтобы ни у кого не было соблазна.

— Уничтожить древние артефакты? — ахнул кто-то.

— Они слишком опасны, чтобы существовать.

Все затихли. Потом Таллиэн медленно опустился на трон.

— У вас есть план? — спросил он глухо.

Валиан улыбнулся. В этой улыбке было что-то детское, обиженное и одновременно страшное.

— План прост. Мы найдем их. Разделим. И я лично убью брата. А эльфийку лорда, можете забрать. Если он, конечно, захочет смотреть на пустую или мертвую оболочку.

— Что значит — пустую?

— Кольца требуют платы. Если они соединятся, кто-то заплатит. Возможно, памятью. Возможно, жизнью. Возможно, чем-то хуже.

Элиан побелел.

— Я пошлю королевских следопытов, — сказал Таллиэн, глядя на Элиана. — Но если дочь лорда пострадает...

— Если пострадает, — перебил Валиан, — это будет ее выбор. Как и ваш — посылать или нет. Он развернулся и пошел к выходу. Пума скользнула за ним, и только багровые искры на шкуре выдавали, что она не тень, а живое существо. У самого выхода Валиан остановился.

— Ах да, — бросил он через плечо. — Награда. За голову моего брата — тысяча золотых. За светлую эльфийку живой — пятьсот. Она нужна мне живой.

— Зачем? — спросил Гракх. Валиан помолчал... Затем добавил:

— Хочу посмотреть в глаза женщине, из-за которой мой брат предал всё. И спросить: оно того стоило? Двери закрылись.

Зал взорвался голосами, но сквозь них уже не пробиться было — решение принято. Охота началась.

А в стенах Цитадели, там, куда не добивал свет факелов, древний камень тихо пульсировал. Тот самый, о котором говорили легенды.

«Кольца проснулись...»

«Они соединятся...»

«Кровь прольется...»

«Мы увидим... мы наконец увидим...»

Никто из королей не услышал. Только пума Валиана на мгновение остановилась у выхода и повела ушами — ловя то, что не слышно живым. Но Валиан потянул поводок, и зверь послушно шагнул в ночь. А в небе над Цитаделью сходились две луны: черная и белая, почти касаясь друг друга. Пророчество набирало силу.

Глава 4. Тени за спиной

А в это время на западе, на границе с нейтральными землями, Кэйлен остановился.

— Нам нужно менять путь, — сказал он.

— Валиан уже в пути. Он перекроет все проходы к горам. Если мы пойдем в нейтральные земли, он перехватит нас в открытом поле. У нас не будет ни укрытия, ни союзников.

— Почему? — спросила Лирэль.

Она смотрела на него.

— Тогда куда?

Он задумался.

— В город Теней. Там есть те, кто сможет нам помочь. И там... там я смогу защитить тебя.

— Ты уверен?

— Нет. — Он покачал головой. — Но это единственный шанс.

Отряд двигался быстро. Два десятка темных эльфов, лучших следопытов клана, шли бесшумно, как тени. Их шаги не оставляли следов. Мягкие сапоги из кожи ночного зверя, подбитые толстым слоем войлока, гасили каждый звук. Даже сухая листва под их ногами не хрустела. Они были, как хищники, идущие за добычей.

Дыхание не выдавало присутствия. Потому что дышали ровно, экономно, как змеи в спячке. Грудная клетка поднималась еле заметно, воздух проходил через нос, согреваясь, увлажняясь, и выходил обратно без единого звука. Этому учили с детства: умение дышать тихо и жить долго.

Даже запах: терпкий, темный, чужой для светлых — ветер уносил в другую сторону, подчиняясь древней магии, вплетенной в их плащи. Плащи были из тонкой черной ткани, сотканной из паутины пещерных пауков и пропитанной отваром ночных трав. Они не шелестели, не цеплялись за ветки, не держали запахов. Говорили, что в таких плащах можно пройти сквозь вражеский лагерь, и никто тебя не заметит.

Валиан ехал в центре. Темные не использовали лошадей в лесу. Лошади пахнут страхом — этот запах разносится на мили, их копыта стучат по корням, а дыхание выдает скрытое приближение. Валиан сидел в седле, закрепленном на спине ониксовой пумы.

Нокс двигалась плавно, почти не ощущая веса хозяина. Её лапы ступали мягко, как бархатные подушечки, скрывая острые когти. Каждый шаг был рассчитан — задняя лапа ставилась точно в след передней, экономя силы и не оставляя лишних отпечатков. Только багровые искры на шкуре вспыхивали чаще, когда зверь чувствовал близость добычи. Они пробегали по бокам, как молнии, и гасли, оставляя после себя запах серы.

Седло было сделано из того же черного металла, что и маска Валиана, обсидиановая сталь, сплав, секрет которого знали только древние кузнецы. Широкие ремни из кожи горного дракона пересекали грудь пумы, не натирая, не сковывая движений. Нокс привыкла к ним еще котенком. Сейчас она даже не замечала тяжести. Иногда, когда Валиан наклонялся вперед, она ускоряла шаг, чувствуя его нетерпение.

— Свежий след, — доложил разведчик.

Он вышел из-за ствола вековой сосны, и сначала можно было заметить только блеск глаз: желтых, с вертикальными зрачками, как у всех темных. Потом — очертания плеч, а дальше и всего эльфа. Он был одет так же, как все в отряде, но на его поясе висело два коротких меча вместо одного — знак старшего.

Следопыт опустил на колени, не поднимая глаз на принца. В руке он держал комочек земли, который растирал между пальцами, пробуя на запах. Земля была влажной, с примесью прелых листьев и, едва уловимой крови. Свежей. Человеческой. Темной.

— Час, не больше. Идут на запад, к нейтральным землям. Двое... Эльф ранен — кровь на листьях, след тяжелый, правая сторона тела будто хромает, дыхание сбивается. Эльфийка... — он понюхал воздух, прикрыв глаза, она пахнет травами. Чабрец, зверобой, что-то еще. Цели-тельница. Идет слева, поддерживает раненого.

Валиан кивнул. Один жест — и следопыт исчез обратно в лес, растворившись быстрее, чем можно было моргнуть. Только ветка качнулась там, где он стоял, да несколько листьев сорвались вниз.

Он молчал уже третий час. Отряд привык — лорд часто молчал подолгу, и никто не решался нарушить тишину. Только Нокс иногда поворачивала голову, касалась холодным носом его руки, и тогда Валиан машинально гладил зверя между ушей. Шерсть под пальцами была гладкой, как вода, и холодной, как ночной воздух. Ни тепла, ни холода, только гладкость и тишина.

— Привал, — сказал он наконец. — Пять минут.

Отряд замер, расходясь по поляне. Никто не разводил костра, не доставал еды — темные умели ждать и восстанавливать силы в тишине. Двое следопытов растворились в кронах, выставив дозор. Остальные сели на корточки, прислонившись спинами к деревьям, и закрыли глаза. Пять минут отдыха и снова в путь.

Валиан прыгнул с пумы и отошел к дереву. Старый дуб, в три обхвата, с корой, изрезанной временем. Кора была глубокой, морщинистой, в некоторых местах отслаивалась длинными полосами, обнажая светлую древесину, покрытую мхом. Мох был серым, сухим, мертвым. Этот дуб умирал, но медленно, как и все в этом лесу. Дуб помнил многое. Может быть, даже ту ночь.

Валиан прислонился к стволу спиной и закрыл глаза. Кора впиалась в спину через одежду, холодная, шершавая, живая. Нокс легла рядом, положив огромную голову ему на ноги. Тяжелая — килограммов сто, не меньше. Её череп был широким, с мощными скулами, и когда она клала голову, давление было таким, что ноги немели. Но Валиан не убирал их. Она была теплая. Нет, не теплая, а живая. Пума заурчала, и урчание было низким, глубинным, похожим на отдаленный камнепад. Вибрация шла от её груди, через бедра, в позвоночник, в самые кости.

— Ты чувствуешь, Нокс? — прошептал Валиан, не открывая глаз. — Хоть, тогда ты еще не родилась. Пума только повела ухом в сторону, которое повернулось к его голосу, лоя звук.

— А я чувствую и помню. Каждую секунду.

Для людей двадцать три года — юность. Для эльфов — лишь начало взросления. Но огонь не ждал совершеннолетия. Это случилось двадцать три года назад. Храм древних горел. Огонь был не обычный, а магический, синий, жгучий даже на расстоянии. Он не сжигал дерево, а пожирал саму плоть, оставляя после себя только пепел и пустоту. Камни плавилась — гранит тек, как воск, стекая с колонн тяжелыми каплями, застывая на полу в причудливые фигуры. Воздух кипел, был густым, вязким, каждый вдох напоминал глоток расплавленного стекла. Даже тени корчились в агонии, не в силах выдержать этого света, сворачиваясь, разбегаясь, исчезая.

Два мальчика бежали по горящему коридору. Один — чуть выше, быстрее, с черными глазами, в которых уже тогда горела решимость. Кэйлен. Его волосы были черные, как смоль, развевались за спиной, мокрые от пота, слипшиеся в тяжелые пряди. Кожа блестела — на лбу, щеках, шее. На скуле красовалась свежая царапина. Зацепился о каменный выступ, когда сворачивал. Кровь тонкой струйкой текла по щеке, смешиваясь с потом, капая на воротник туники.

В руке он сжимал маленький кинжал — игрушка, подарок отцом, с рукоятью из рога и лезвием длиной в ладонь. Сейчас он стал единственной защитой. Кэйлен сжимал его так, что костяшки белели, а пальцы сводило от судорог.

Второй — отставал на шаг, спотыкался, кашлял от дыма. Валиан. Тоньше, ниже ростом, с более мягкими чертами лица. На нем была та же одежда, что и на брате: черная кожаная туника, штаны, сапоги. Но сидела она мешковато, будто с чужого плеча. Мать всегда шила на вырост, но Валиан рос медленнее Кэйлена, и вещи висели на нем, собираясь складками.

В руке он сжимал не кинжал, а маленькую фигурку дракона, вырезанную из обсидиана. Талисман, который подарила мать. Дракон был сложен крыльями, с поджатыми лапами, и в его глазах алели две крошечные рубиновые точки. Валиан гладил его большим пальцем, выискивая утешение.

— Сюда! — крикнул Кэйлен, сворачивая в проход. Голос его сорвался на хрип. Дым уже пробирался в легкие.

— Там тупик! — заорал Валиан, но брат уже исчез за поворотом.

Валиан рванул за ним. Ноги скользили по каменному полу, залитому какой-то жидкостью: маслом, кровью? И он чуть не упал, но в последний миг ухватился за стену. Камень обжег ладонь даже сквозь кожаную перчатку. Синее пламя обволакивало стены, оставляя на них черные подтеки. Тупик...

Кэйлен стоял перед стеной, пытаясь нащупать выход. Его пальцы бегали по камню, давили на каждый выступ, каждую трещину. Он что-то бормотал. Молитвы? Проклятия? Его голос срывался на писк, высокий, детский, испуганный. Кровь с царапины на скуле капала на каменный пол, и Валиан смотрел на эти капли, не в силах оторваться. Позади них рухнула балка, перекрывая путь назад. Камнепад заблокировал коридор, отрезая единственный путь к спасению. Впереди — только камень. Гладкий, ровный, без единой щели.

— Мы умрем здесь, — выдохнул Валиан. Он упал на колени. Фигурка дракона выскользнула из пальцев и покатила по полу, звеня, будто колокольчик. Рубиновые глаза сверкнули в последний раз и погасли. Валиан смотрел на неё, и в глазах стояли слезы — не от дыма, а от страха.

— Заткнись.

— Я не хочу умирать!

— Я сказал — заткнись!

Кэйлен бил по стене кулаками, но камень не поддавался. Кровь выступила на костяшках, оставляя красные пятна на белой поверхности. Магия огня подбиралась ближе. Синее пламя обуздало пол, стены, потолок, и воздух плавился. Становилось трудно дышать — воздух превращался в расплавленный свинец, обжигающий горло.

А потом потолок рухнул. Валиан увидел, как на брата падает пылающая балка. Огромная, в два обхвата, объятая синим огнем. Она падала медленно, или быть может ему только казалось. Он видел каждую трещину на её поверхности, каждую искру, вылетающую из сердцевины. Видел, как пламя поглощает дерево, как угли сыплются вниз, оставляя дымные следы. Он резко рванул вперед. Он успел оттолкнуть Кэйлена, отбросил его в сторону. Балка рухнула на него.

Кэйлен упал на каменный пол, больно ударившись плечом. Кинжал вылетел из руки и зазвенел где-то в стороне.

Он обернулся. И замер... Балка лежала поперек спины брата. Синий огонь обжигал его лицо, волосы, руки. Валиан кричал. Кричал так, что, казалось, что эти стены слышали его в последний раз. Крик был высоким, тонким, почти женским. Крик ребенка, которого ломают заживо. Кожа на его щеке пузырилась, лопалась, стекала. Левое веко, обращенное к Кэйлену, обуглилось и сползло, обнажая белок, налитый кровью. Глаз еще моргал, безумный, полный боли, но кожа вокруг уже плавилась, скрывая его.

«Помоги...» Рука Валиана потянулась к нему. Пальцы его были красные, мясо виднелось на кости. Они тянулись, тянулись... На одном пальце еще держался кусочек ногтя, белый, чистый, единственное живое пятно на этой руке.

«Кэйлен... помоги...» Кэйлен не мог двинуться. Он смотрел на брата, и в голове была только одна мысль, белая, громкая, заполняющая всё: «Это я виноват. Я завел нас в тупик. Если бы я не свернул... Если бы послушал...»

Его тело не слушалось. Ноги приросли к полу. Руки висели плетьюми. Глаза смотрели, и не могли закрыться, и видели всё. Видели, как кожа брата сползает с лица, как обнажается череп, как зубы скалятся в вечной улыбке.

«Я сделал это с ним. Я...» Вина была тяжелее балки. Она придавила его к полу, сковала руки, залила легкие свинцом. Он не мог дышать. Не мог думать. Даже двигаться. Он должен был встать. Должен был оттащить брата. Крикнуть, чтобы кто-то пришел. Хоть что-то сделать.

Но он стоял и смотрел. Как пламя пожирает лицо Валиана. Как лопаются пузыри на коже, оставляя мокрые красные язвы. Как плавятся волосы, сворачиваясь в черные спирали, пахнущие горелым мясом и чем-то сладким. Как серебряная цепочка, что носила мать, плавится на шее, оставляя кровавый ожог.

Помоги ему! — кричал его разум.

Я не могу, — отвечало тело.

— Почему?

— Потому что это я во всем виноват. Я не имею права его спасать. Я не заслуживаю.

А потом Валиан перестал кричать. Кэйлен услышал, как голос брата сорвался, захрипел, затих. Услышал, как тело обмякло под балкой. Сначала руки, потом плечи, потом голова упала на камень, и из-под обугленной плоти крови не было — она выкипела от жара. И тогда ноги отлипли от пола.

Кэйлен рванул вперед. Схватился за балку — обжег ладони, кожа на пальцах зашипела, пузырилась, но он не отпускал. Дергал. Еще раз. Еще. Балка не двигалась. Она была тяжелой, слишком тяжелой, и пламя жрало его руки, и он чувствовал, как мясо отделяется от кости, как горит.

«Слишком поздно». Он упал на колени рядом с братом. Валиан не дышал. Лицо — то, что от него осталось — было черным, страшным, неживым. Одни зубы скалились из обугленной плоти.

— Нет... — прошептал Кэйлен. — Нет... Он сжал руку брата. Кожа будто сползла с пальцев, обнажая кость. Кэйлен не отпускал.

— Прости... прости меня...

Но Валиан не слышал. А где-то в коридоре слышались уже шаги. Взрослые. Темные. Спасатели. Кэйлен услышал их, и...

... Почему-то разжал пальцы. Почему-то отступил в тень. Спрятался за выступом стены, вжался в камень, затаил дыхание.

Позволил другим найти Валиана. Другим вытаскивать его из-под балки. Другим думать, что он прибежал позже, что он ничего не видел, что он не стоял и не смотрел.

«Я трус», — думал он, глядя, как лекари уносят тело брата. «Я трус, убийца, и не заслуживаю быть рядом с ним». Он не пошел за братом. Не пришел в лазарет. Даже не спросил, жив ли он.

Потому что боялся услышать ответ. Боялся увидеть то, что осталось от лица брата. Боялся, что Валиан откроет глаза и спросит: «Почему ты не помог?»

Когда Валиан поправился, ему сделали маску, он стал другим: злым, колючим, чужим. Но Кэйлен и тогда не пришел. Не сказал «прости». И не признался, в том что он виноват. Он просто исчез из его жизни, как исчез в тот день в коридоре. Потому что трусость не кончается в момент подвига. Иногда она длится годами. А бывает и всю жизнь.

А Валиан, лежа под балкой, видел только одно: брат стоит, смотрит, и уходит. Он видел лицо Кэйлена: искаженное ужасом, белое, с открытым ртом. Видел, как он пятится, как раз-

ворачивается. Видел спину, убегающую в темноту. И все эти двадцать три года его жег один вопрос: почему?

В себя Валиан пришел через полгода. Полгода боли. Когда каждый вдох отзывался огнем. Полгода, когда лекари сменяли друг друга, меняли повязки, кололи снадобья, трясли головами. Повязки менялись дважды в день: старые прилипали к ранам, и их приходилось отмачивать в отваре трав, прежде чем оторвать. Валиан лежал и смотрел в потолок, не крича, не плача. Он разучился плакать.

— Чудо, что выжил, — сказал главный лекарь, старый темный с белыми шрамами на руках. — Магия огня не шутка. Она убивает даже темных. Но вы, лорд Валиан, упрямы. Упрямее огня.

— А что с моим лицом? — спросил Валиан.

Лекарь промолчал. Это и был ответ. Валиан не просил зеркало. Не спрашивал. Внутри он все понимал. По тому, как отводили глаза, как перешептывались за дверью. Даже по тому, что отец не пришел к нему ни разу.

Через семь месяцев он встал. Впервые. Ноги дрожали, руки тряслись, но он стоял. И пошел. К зеркалу. В коридоре, в конце, висело старое зеркало в резной раме. Серебро потемнело, стекло помутнело, но он все равно видел. То, что он увидел, нельзя было назвать лицом.

Кожа сплавилась с мясом. Нос почти исчез. Остались две дыры, неровные, дышащие. Губы сгорели, обнажив зубы в вечном оскале — улыбки смерти. Но глаза уцелели. Оба. Лишь цвет изменился: из черного на неестественный, светящийся серебряный. А зрачки сузились, стали вертикальными, как у хищной змеи. Они смотрели из-под обожженных век дико, безумно и одиноко.

Валиан смотрел на это существо в зеркале и не узнавал себя. Это существо было монстром.

— Красавец, — прошептал он. И впервые за семь месяцев засмеялся. Смех прозвучал страшнее крика.

Старик-темный, который ковал оружие для самого короля, работал три месяца. Серебро, тончайшей работы, с вкраплениями черного обсидиана. Маска повторяла черты того лица, что у него украли. Идеальный нос, губы, скула.

— Я сделал её, как просили, — сказал кузнец, протягивая маску. Глаза его, белые от старости, смотрели куда-то мимо лица Валиана.

— Она будет держаться на трех застежках. Впаять их придется прямо в кость. Будет больно.

— Я привык к боли, — ответил Валиан.

Застежки впаяли в скулу, в висок, в челюсть. Раскаленное серебро шипело, касаясь кости. Пахло паленым — не кожей, костью. Валиан не кричал. Он научился терпеть. Маска легла на лицо, как вторая кожа. Как та, которая у него была раньше. Валиан посмотрел в зеркало. Идеальное лицо. Красивое. Но такое чужое.

Он надел маску и не снимал её ни перед кем ни разу. Только перед Нокс. Пума не боялась его лица. Она смотрела в его серебряные глаза с вертикальным зрачком и видела хозяина. Не монстра. Не урота. Она нежно тыкалась носом в его щеку, лизала шрамы шершавым языком, урчала, сворачивалась клубком у ног.

— Ты одна меня не боишься, — шептал он зверю, зарываясь лицом в черную шерсть. — Ты одна. Пума лизала его обожженную руку, и багровые искры на её шкуре вспыхивали ярче.

Валиан открыл глаза. Лес стоял тот же. Отряд ждал. Нокс дремала, положив голову ему на колени. Её дыхание было ровным, тихим, и только редкие багровые искры пробегали по шкуре, вспыхивая и затухая в такт дыханию.

— Сколько лет прошло? — спросил он у пумы. Зверь не ответил.

— Двадцать три, — ответил сам себе. — Двадцать три года я жду, чтобы спросить: почему ты не спас меня?

Он погладил пуму по голове, и зверь довольно зажмурился. Под пальцами шерсть была прохладной и гладкой, как ночной ветер. Когтистая лапа сжала землю, оставляя глубокие борозды в прелой листве.

— А знаешь, Нокс, я ведь не хочу его убивать. Сначала — нет. Я хочу, чтобы он посмотрел на меня. В глаза. Без маски. Хочу, чтобы он увидел, что сделал с моим лицом его выбор. Пума тихо рыкнула. В рыке не было угрозы, только понимание.

— А потом... потом посмотрим. Он встал. Хрустнули колени — старые травмы давали о себе знать.

— Отряд! Сбор. Через час они должны быть у нас в руках. Темные бесшумно поднялись. Двадцать фигур, двадцать теней, двадцать пар желтых глаз. Кто-то проверил оружие, кто-то поправил плащ, кто-то просто стоял, готовый.

— И помните: Кэйлен — мой. Кто тронет — умрет медленно. Я лично прослежу. А светлую... — он усмехнулся, и в усмешке не было тепла. — Светлую не убивать. Она нужна мне.

— Для чего, лорд? — спросил один из следопытов, тот, что приносил землю. Валиан поправил маску. Пальцы скользнули по серебряной скуле, по краю, где шрамы выходили наружу, по застежкам, впаянным в кость.

— Хочу спросить: зачем эта дура с ним связалась? — Он помолчал. — И еще: знает ли она, что её спутник смотрел, как горит его брат, и не пошевелил пальцем?

Он шагнул в темноту. Нокс скользнула следом, и багровые искры на её шкуре замерцали чаще, зверь чуял скорую охоту. Воздух вокруг сгустился, стал плотным, как вода. Даже листья перестали шевелиться. Через минуту поляна опустела. Только старый дуб помнил шепот эльфа, который двадцать три года носил в сердце один вопрос. Почему ты не спас меня, брат?

Отряд нашел след через час. Четкий, свежий, даже не присыпанный листвой. Кэйлен или не умел прятаться, или ему было плевать. Отпечатки сапог: мужские, широкие, с характерным рисунком подошвы темного воина — были глубокими, тяжелыми. Валиан присел на корточки, провел пальцем по краю следа. Земля такая свежая — час, не больше.

Рядом — более легкие, женские, с гладкой подошвой обуви. Следы шли рядом, иногда пересекаясь, иногда один след становился глубже — там, где женщина поддерживала раненого. Ветки сломаны на высоте мужского плеча и женской головы. На одном кусте — клочок белой ткани, тонкой, дорогой. Светлая туника. Целительница помогала раненому идти, пробираясь сквозь чащу.

— Самоуверенный, — хмыкнул Валиан, разглядывая следы. — Всегда был самоуверенным. Думал, что ему всё сойдет с рук. Что законы для него не писаны. Что брат не придет за ним.

Нокс обнюхала след и тихо зарычала — низко, вибрирующе, предвкушающе. Зрачки расширились, багровые искры на шкуре забегали быстрее, воздух вокруг неё задрожал. Она припала к земле, готовая к броску.

— Да, девочка, — Валиан потрепал её по холке, провел пальцами по жесткой шерсти, успокаивая. — Скоро. Очень скоро.

Он посмотрел на запад, где за деревьями уже прятались горы. Силуэты их были черными на фоне светлеющего неба, зубчатые, неприступные. Между вершинами вилась тропа — единственный путь через хребет, узкая, каменистая, опасная. Кэйлен пойдет туда. Валиан знал брата. Кэйлен всегда выбирал самый очевидный путь. Всегда шел прямо, не сворачивая. Всегда был уверен, что прав.

— Беги, брат. Беги. Наиграйся в любовь. Я подожду. Он улыбнулся под маской, и никто не увидел этой улыбки. Но Нокс почувствовала, зверь потерся головой о его бедро, довольно урча. Шерсть заискрилась, и воздух вокруг наполнился запахом серы.

— Кровь помнит всё, брат. Ты отвернулся тогда, когда я горел. Теперь я отвернусь, когда ты падешь. Беги. Я уже иду.

Он подал знак. Отряд двинулся дальше — бесшумно, быстро, смертоносно. Двадцать теней скользнули между деревьями, не оставляя следов.

Валиан шел последним. Его шаги не оставляли следов. Он давно научился не оставлять следов. А в небе над ними светили те же две луны: черная и белая. Еще немного и они сольются в одну. Или разойдутся навсегда. Черная луна была больше, тяжелее, ее свет не освещал, а поглощал. Белая — тонкий серп, холодный и далекий. Между ними оставалась узкая полоска тьмы, которую можно было преодолеть.

Нокс подняла голову, посмотрела на луны и тихо взвыла. Вой был низким, долгим, тоскливым. Она чувала то, что не дано чувствовать эльфам. Судьбу. Кровь. Смерть. Валиан положил руку ей на голову. Ладонь легла между ушами, и пума замолчала, только багровые искры продолжали пробегать по шкуре.

— Тише, девочка. Тише. Они шли по следу брата, и тени тянулись за ними: длинные, черные, голодные. Лес затих. Даже ветер стих, боясь выдать их присутствие. Охота продолжалась.

Глава 5. Пленница в городе теней

Три дня они шли через перевалы. Три дня, когда небо над ними было серым, как старая кость, и ветер выл так, что, казалось, сами горы оплакивают что-то давно потерянное. Три дня, когда Лирэль смотрела на черные пики, уходящие в небо, и думала: «Я иду в логово зверя».

Кэйлен почти не говорил. Он шел впереди, выбирая тропу, и его спина была прямой, как меч. Иногда он оборачивался, чтобы проверить, не отстала ли она, и в его черных глазах Лирэль видела что-то новое: ни холод, ни настороженность. Беспокойство. Он беспокоился не за себя.

На второй день пошел снег. Не белый, а пепельный, с мелкой черной крупой, словно горы выдыхали сажу. Лирэль натянула капюшон, но холод пробирался под одежду, и зубы выбивали дробь. Кэйлен остановился, снял свой плащ и накинул ей на плечи.

— Ты замерзнешь, — сказала она.

— Я темный, — ответил он. — Мы не чувствуем холода.

Она не поверила. Видела, как побелели его костяшки, как дрожали пальцы. Но плащ не вернула. Он пах дымом, железом и чем-то еще: терпким, темным, мужским. Она уткнулась носом в воротник и почувствовала его запах, и это было теплее любого огня.

На третий день они увидели Город. Он открылся внезапно. Они вышли из ущелья, и тьма разверзлась перед ними — вырезанная из самой ночи, вросшая в скалу, сплетенная из обсидиана и костей. Он не отражал свет, не блестел, не сиял. Он впитывал его, как чернила впитывают воду. Лирэль остановилась. Сердце забилось где-то в горле.

— Красиво, — сказала она. Это была ложь. Город был страшен.

— Нет, — ответил Кэйлен. — Но это мой дом. Он взял её за руку. Пальцы его были холодными, но сжимали крепко.

— Не бойся.

— Я не боюсь.

Она боялась. Боялась темноты, которая текла между камнями живой рекой. Боялась тишины, которая давила на уши. Боялась того, что за этими воротами она потеряет себя. Но Кэйлен сжимал её пальцы, и страх отступал. Немного. На шаг.

— Идем, — сказал он. Они шагнули в тень ворот. И тень будто приняла их.

Ворота были сделаны из черепов. Не орков, не людей, а древних зверей, которые жили здесь до эльфов. Черепа были огромными — каждый размером с дом. Их кости пожелтели от времени, но остались крепкими как камень. Глазницы смотрели на долину пустыми провалами, и в них не было угрозы. Только память. Тоска по временам, когда этот мир принадлежал не эльфам. Между черепами висели фонари. Они горели черным пламенем.

Лирэль остановилась, замороженная. Она никогда не видела огонь, который не светит, а поглощает свет. Он висел в воздухе, не требуя масла или фитиля, и от него пахло озоном и чем-то древним, забытым. Пламя пульсировало, как сердце, и в такт ему пульсировали тени на стенах.

— Что это? — спросила она.

— Древняя магия, — ответил Кэйлен. — Она течет под городом. Как кровь. Фонари питаются ею.

— Они не гаснут?

— Никогда. Он потянул её за руку, и они вошли под своды ворот.

Воздух изменился: стал плотным, тяжелым. Лирэль чувствовала его на коже: холодный, влажный, с привкусом металла. Каждый вдох давался с трудом, будто легкие наполнялись не воздухом, а свинцом.

— Привыкнешь, — сказал Кэйлен, заметив её состояние. — Организм должен адаптироваться. Здесь воздух другой.

— Другой? — прошептала она.

— Мы под землей. Город уходит вниз, на сотни локтей. То, что ты видишь — только верхушка.

Лирэль посмотрела вперед, в темноту улиц, и поняла, что не видит дна. Город уходил вниз террасами, ярусами, уровнями, и каждый следующий был темнее предыдущего. В самом низу, где-то в недрах земли, пульсировал слабый красный свет — лава. Город стоял на огне.

— Твой дом стоит на расплавленном камне, — сказала она.

— Да. — Кэйлен усмехнулся. — Уютно, правда? Она не ответила. Смотрела вниз, в черноту, и чувствовала, как кружится голова.

— Не смотри туда, — сказал он. — Смотри на меня. Она посмотрела. В его глазах, черных и бездонных, не было страха. Только спокойствие и полная уверенность.

— Я с тобой, — сказал он. — Запомни это.

Внутри было темно. Не как ночью, когда глаза привыкают и начинаешь различать силуэты. Эта тьма была живой, плотной, осязаемой. Она обволакивала, как холодная вода, и Лирэль чувствовала, как её кожа покрывается мурашками. Казалось, сама ночь сгустилась здесь, в этих улицах, и ждала, когда можно будет снова выплеснуться наружу.

Улицы были узкими, как разрезы ножом. Дома лепились друг к другу, как сталактиты в пещере: острые, черные, с окнами-бойницами. Стены их были гладкими, отполированными ветрами и временем, и в них не было ни одной трещины. Только письмена: древние символы, вырезанные на обсидиане, вились по фасадам, как змеи.

Лирэль не понимала их. Но чувствовала. Они были тяжелыми, эти символы, давили на глаза, вызывали головную боль.

— Не смотри на них, — сказал Кэйлен. — Это язык теней. Для светлых он опасен.

— Чем?

— Может свести с ума. Или открыть глаза на то, что лучше не видеть.

Она отвела взгляд. Но краем глаза все равно заметила, как один из символов шевельнулся. Словно живой. Мосты перекидывались через пропасти. Их было много: узких, крутых, без перил. Только черный камень и пустота под ногами. Перила были сделаны из позвонков: огромных, позвонки древних зверей, уложенных в ряд и скрепленных магией. Некоторые из них были размером с человека.

Лирэль представила, какие чудовища носили в себе такие кости, и по спине пробежал холод.

— Они умерли давно, — сказал Кэйлен, заметив её взгляд. — Их кости служат нам. Так мы чтим их память.

— Или их смерть, — тихо ответила Лирэль.

Кэйлен не спорил. Под ногами был камень. Гладкий, черный, отполированный тысячами ног. Он был теплым. И это тепло поднималось из-под земли, от тех огненных рек, что текли глубоко внизу. Лирэль чувствовала это даже через подошвы сапог. Город дышал. Город жил. И в моменте будто молчал. Ни голосов, ни шагов, ни звона оружия. Только где-то далеко-далеко, в самой глубине, слышался мерный стук — словно огромное сердце билось в недрах скалы.

— Где все? — прошептала Лирэль.

— Смотрят, — ответил Кэйлен.

Он не ошибся. Лирэль подняла глаза и увидела их. В окнах, на балконах, за перилами мостов — тени. Множество теней. Они стояли неподвижно, не двигаясь, не дыша, и смотрели. Смотрели на неё. На светлую, которая пришла в их город. Их глаза горели в темноте: желтые, зеленые, серебряные. Глаза хищников. Глаза судей.

— Они знают, — тихо сказала Лирэль.

— Знают.

— Они хотят меня убить.

— Хотят. Кэйлен не пытался её успокоить. Он шел вперед, ведя её за руку, и его спина была такой же прямой, как и прежде. Он не смотрел по сторонам. Не оглядывался. Он просто шел, и тени расступались перед ним: медленно, неохотно, как вода перед камнем.

— Но они не тронут, — добавил он. — Пока я здесь.

Лирэль посмотрела на его спину. Широкою, сильную, единственную защиту между ней и этим враждебным миром.

— А если тебя не станет?

Кэйлен не ответил. Только крепче сжал её руку.

Они дошли до центральной площади, когда из тени шагнула она... Лирэль увидела её не сразу — сначала только блеск глаз. Темно-фиолетовых, почти черных, с вертикальными зрачками. Потом — очертания плеч, и всю фигуру. Высокую, гибкую, опасную.

Она была красива той тяжелой, опасной красотой, от которой у светлых перехватывало дыхание. Черные волосы, заплетенные в тугую косу, падали до пояса: тяжелые, густые, с синим отливом при свете черных фонарей. Облегающая кожаная туника подчеркивала полную грудь и узкую талию, бедра плавно расширялись, создавая силуэт, который называли «песочные часы». На поясе висело два коротких меча с рукоятями, обмотанными черной кожей, истертой от времени. На руках — браслеты с черными камнями, которые пульсировали в такт её дыханию.

На её левом плече сидел ястреб. Огромный, серебристо-белый, с черными кончиками крыльев. Его оперение было густым, плотным, и каждое перо словно светилось изнутри холодным лунным светом. Глаза — цвета расплавленного золота, которые смотрели на Лирэль с холодным любопытством хищника. Когти, впившиеся в кожаную накидку эльфийки, были длинной с мужской палец, и на их кончиках Лирэль заметила капли запекшейся крови.

Ястреб расправил крылья, и серебристые перья сверкнули в свете вечерних фонарей, отбрасывая на стены причудливые тени. Размах крыльев был огромным, почти два метра. Птица могла бы убить любого одним ударом.

— Не бойся, — сказала темная, и в голосе скользнула усмешка. — Он убьет только если я прикажу.

Она перевела взгляд на Кэйлена. На миг её лицо смягчилось, так смягчается лед, когда на него падает солнце. Тонкие губы дрогнули в улыбке, и Лирэль увидела, как красива эта женщина, когда не носит маску холода. Ястреб тихо клекотнул и низко склонил голову, позволяя хозяйке коснуться перьев.

— Вернулся, — сказала она. — Я ждала.

— Найра, — Кэйлен шагнул вперед, и в его голосе было что-то, от чего у Лирэль кольнуло в груди. Не ревность. Что-то другое. Понимание...

— Это Лирэль. Она...

— Я вижу, кто она. — Лед вернулся. Ястреб клацнул клювом, и звук этот был похож на удар кинжала. — Ты привел светлую в наш город. В наш дом. После всего, что они нам сделали.

— Она спасла мне жизнь.

— Она светлая, — повторила Найра, и в голосе зазвенела сталь. — Они все одинаковые. Она только притворяется доброй, а завтра воткнет нож тебе в спину. Или дождеться, пока ты уснешь и подсыпет яда в еду. У них нет чести.

Лирэль почувствовала, как кровь прилила к щекам. Хотелось огрызнуться, сказать что-то колкое, доказать, что она не такая. Но Кэйлен сжал её руку, и она промолчала.

— Найра, — голос Кэйлена стал серьезнее. — Я прошу тебя.

Найра смотрела на него долго. Может секунд тридцать. Ястреб замер, и даже его золотые глаза, казалось, ждали ответа. Пальцы Найры, сжимающие рукояти мечей, побелели от напряжения. Потом она усмехнулась: криво, горько, так, что Лирэль стало не по себе.

— Всегда ты просишь, Кэйлен. Всегда я помогаю. — Она развернулась, и её длинная коса метнулась за спиной. Ястреб взлетел, описывая круг над их головами, и на миг закрыл собой черные фонари.

— Идем. Но если она умрет — это будет на твоей совести.

Она пошла вперед, и Лирэль заметила, как дрожат её пальцы, сжимающие рукояти мечей. Походка её была плавной, текучей, как у хищницы, но в каждом шаге чувствовалось напряжение: натянутая тетива, готовая сорваться.

— Не обращай внимания, — тихо сказал Кэйлен. — Она не злая.

— Она ненавидит меня, — ответила Лирэль так же тихо.

— Она просто... боится.

Лирэль посмотрела на спину Найры: прямую, напряженную, сильную. Под туникой угадывались сухие мышцы, но в изгибе плеч читалось что-то детское, незащищенное.

Ястреб сел на ближайший выступ скалы и смотрел на Лирэль золотыми глазами. Смотрел внимательно, изучающе. И Лирэль вдруг поняла, что в этих глазах нет ненависти. Только любопытство. И какая-то скрывающаяся боль.

Они не дошли до дворца. Их остановили у центральной площади, где черный камень расступался, открывая яму. Лирэль услышала странный звук раньше, чем увидела. Сначала — рычание. Низкое, глубинное, от которого вибрировала земля. Оно было не одно — несколько голосов, переплетающихся, страшных, угрожающих. Потом — запах. Кровь, сера, звериный пот, моча — густой, удушающий коктейль, от которого защипало в носу.

Яма была огромной — двадцать шагов в длину, десять в ширину. И она спускалась вниз, в темноту, на глубину шести метров. Стены её были гладкими, отполированными когтями тех, кто пытался выбраться. На них виднелись глубокие борозды — следы отчаянных попыток найти опору.

На дне двигались тени. Множество теней. Черные шкуры, багровые искры и глаза: серебряные, голодные, злые. Пять пар глаз. Пять хищников.

— Ониксовые пумы, — сказал стражник, подходя к ним. Он появился из тени, как и все здесь, сначала глаза, желтые, с вертикальным зрачком, потом широкая фигура в черной кольчуге. Голос его был равнодушным, как у эльфа, который видит это каждый день.

— Пять штук. Самки. Голодные. Не кормили три дня.

— Зачем вы их держите? — спросила Лирэль, и голос её прозвучал громче, чем она хотела.

Стражник посмотрел на неё в недоумении. В его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Для казней. Предателей, врагов, тех, кто нарушил закон. — Он кивнул в сторону ямы.

— Бросаем туда, и они решают, кто достоин жить.

— А если никто не достоин?

— Значит, не судьба. — Он пожал плечами. — Пумам тоже надо есть.

— Она не пойдет в яму, — сказал Кэйлен. Его голос был спокойным, но Лирэль чувствовала, как он напрягся. Пальцы сжали её руку сильнее.

— Не пойдет, — согласился стражник. — Но показать то стоит. Чтобы знала, что ждет чужаков в нашем городе. Он подошел к краю ямы, вытащил из-за пояса кусок мяса: свежего, еще сочащегося кровью, и бросил вниз. Тени рванули.

Лирэль не успела разглядеть, какая из пум оказалась быстрее. Она увидела только мелькнувшую черную шкуру, блеснувшие клыки, и — хруст. Мясо исчезло в пасти зверя за одно мгновение. Пума подняла голову.

Она была меньше остальных: молодой, еще не набравшая полную силу. Шкура её была чернее ночи, и багровые искры пробегали по ней, как молнии. Глаза — серебряные, как у Нокс, смотрели прямо на Лирэль. В них не было злобы. Только голод, желание, обещание смерти.

— Красивая, — сказал стражник. — Это младшая. Недавно поймали. Еще не сломалась.
— Сломается, — равнодушно бросила Найра.

— Не думаю. — Стражник покачал головой. — У неё есть характер. И умные глаза. Такие не ломаются.

Он перевел взгляд на Лирэль. Усмехнулся, обнажив клыки.

— Может, бросим светлую к ней? Посмотрим, кто кого? Сделаем ставки?

— Нет, — сказал Кэйлен. Одно слово. Без крика, без угрозы. Но стражник отступил на шаг, и рука его, лежащая на рукояти меча, дрогнула.

— Шучу, лорд. Шучу.

Лирэль смотрела на пуму. И пума смотрела на неё. В серебряных глазах не было страха. Только вызов. Только жизнь, которая не хочет умирать. Пума оскалилась, обнажив клыки, и в рыке её слышалось: «Я не боюсь тебя, светлая. И никогда не буду бояться».

— Она не сломается, — прошептала Лирэль.

— Что? — переспросил стражник.

— Она не сломается, — повторила Лирэль, не отрывая взгляда от зверя. — Вы можете морить её голодом, бить, пугать. Она все равно будет смотреть на вас так, как сейчас. Потому что она не враг. Она воин.

Пума дернула ухом. И, кажется, смотрела на Лирэль уже не как на добычу. В серебряных глазах мелькнуло что-то новое. Быть может уважение, понимание?

— Пошли, — бросила Найра. — Тратим время.

Она пошла вперед, и Лирэль заметила, как мелькнул её взгляд: быстрый, едва уловимый, брошенный на пуму. В нем было нечто. Уважение? Нет, совсем не это. Понимание.

Дворец был вырезан из цельной скалы. Фасад его уходил вверх на сотню локтей, и в нем не было окон. Только вход, огромная арка, в которой могла бы проехать колесница. Стены были покрыты письменами на древнем языке теней, тех, кто жил здесь до эльфов.

Символы были огромными, в рост человека, и они не просто были вырезаны — они дышали. Свет черных фонарей скользил по ним, и казалось, что буквы движутся, перетекают, меняют форму.

— Не отставай, — сказал Кэйлен, ведя Лирэль за руку.

Они вошли внутрь. И Лирэль поняла, что такое настоящая тьма. Здесь не было фонарей. Не было черного пламени. Здесь была только пустота, которая дышала, двигалась, смотрела. Лирэль чувствовала на себе взгляды: сотни взглядов, но никого не видела.

— Стража, — прошептал Кэйлен. — Они везде. В стенах, в потолке, под полом. Не показывай страх.

— Я не боюсь, — ответила Лирэль. На этот раз это была не ложь.

Они шли по коридору, который, казалось, не кончался. Пол был теплым — под ним, глубоко в скале, текла лава. Лирэль чувствовала это тепло даже сквозь подошвы сапог. Стены пульсировали, как живое сердце: медленно, ритмично, убаюкивающе.

— Это город, — сказал Кэйлен, словно читая её мысли. — Он живой. Он чувствует. Он знает, кто здесь свой, а кто чужой.

— И что он чувствует сейчас?

Кэйлен остановился. Повернулся к ней. В темноте его глаза горели: черные, бездонные, с красными искрами.

— Он чувствует свет.

Она не поняла, что он имел в виду, пока не посмотрела на свои руки. Они светились. Тонкое, золотистое сияние исходило от её пальцев, от запястий, от шеи, где висел кулон-лист. Она светилась в темноте, как маленькое солнце, и тени отступали от неё, шипя, как змеи. Свет был теплым, живым, и он пульсировал в такт её сердцу.

— Это... что это? — прошептала она.

Кэйлен замер, глядя на её светящиеся руки. В его глазах мелькнуло узнавание и осторожность.

— Древняя магия, — тихо ответил он. — Твой дар целительницы... или кровь в твоих жилах. Город чувствует свет. Он откликается на тебя.

— Но я не владею магией.

— Для этого места ты и есть магия. Запомни: здесь это не дар. Это метка.

Он взял её руку и поднес к своим губам. Поцелуй был легким, почти невесомым, но Лирэль почувствовала, как тепло разливается по всему телу — от пальцев, через ладонь, по руке, до самого сердца.

— Ты здесь не чужая, — сказал он. — Ты здесь — надежда.

— Для кого?

— Для всех, кто устал от тьмы.

Он повел её дальше, и тени расступались перед ними, как море перед пророком. Свет, исходящий от Лирэль, отбрасывал причудливые тени на стены, и в этих тенях она видела лица. Множество лиц. Они смотрели на неё, и в их глазах не было ненависти. Только надежда... А в конце коридора ждал трон. На котором никого не было.

Трон был сделан из позвонков дракона. Огромных, белых, отполированных веками. Каждый позвонок был размером с колесо боевой колесницы, и они складывались в массивное кресло, спинка которого уходила вверх, теряясь в темноте. На подлокотниках виднелись следы когтей — сам дракон, чьи кости стали треном, оставил на них последнюю отметину.

Говорили, что это был последний дракон темных земель — тот, кто отказался умирать и был убит первым королем. Его кости помнили боль. Его кости помнили предательство.

— Это твой трон, — сказала Лирэль.

— Это трон моего отца, — ответил Кэйлен. — И моего брата. Мой трон — там, где я сейчас стою.

Он подошел к трону и положил руку на подлокотник. Кость была холодной, но под пальцами, казалось, бился пульс. Слабый, едва уловимый, но живой.

— Город не признал меня, — тихо сказал он. — Он ждет. Кого-то или быть может чего-то. Я не знаю.

— Он ждет того, кто соединит свет и тьму, — раздался голос сбоку.

Из тени вышла Найра. Ястреб снова сидел на её плече, и его золотые глаза смотрели на Кэйлена с чем-то похожим на грусть. Перья его были взъерошены, словно птица только что вернулась с полета.

— Трон ждет того, кто принесет равновесие. Не темного. Не светлого. Того, кто будет и тем, и другим.

— Таких не бывает, — сказала Лирэль.

— Бывают, — ответила Найра, и её взгляд скользнул по светящимся рукам Лирэль. — Или будут.

Она повернулась к Кэйлену. Подошла ближе. Ястреб перелетел на её протянутую руку, и птица и эльфийка смотрели на Кэйлена одинаковыми золотыми и фиолетовыми глазами.

— Совет собирается через час. Старейшины хотят видеть светлую. Они будут требовать её казни.

— Я не отдам её, — сказал Кэйлен.

— Знаю, — ответила Найра. И в её голосе была такая боль, что Лирэль отвела взгляд. — Поэтому я здесь. Чтобы помочь.

— Зачем? — спросила Лирэль. — Ты ненавидишь меня.

Найра посмотрела на неё, не отводя взгляд какое-то время. Так долго, что ястреб на её руке заерзал, зашевелил крыльями. Золотые глаза птицы встретились с фиолетовыми глазами хозяйки, и между ними, казалось, прошла беззвучная беседа.

— Да, — сказала она наконец. — Ненавижу. Но я люблю его. А он... выбрал тебя. Значит, ты должна жить.

Она развернулась и пошла к выходу. Ястреб взлетел, описав круг над их головами, и Лирэль показалось, что в шуме его крыльев слышатся слова.

— Час, — бросила Найра через плечо. — Готовьтесь.

Двери закрылись за ней, и Лирэль осталась в темноте с Кэйленом и пульсирующим светом своих рук. Она посмотрела на Кэйлена.

— Она любит тебя.

— Знаю.

— А ты?

— Я люблю другую.

Это было сказано просто. Без пафоса, без клятв. Как констатация факта. Как дыхание. Как то, что не требует доказательств.

Лирэль почувствовала, как тепло разливается по щекам. Свет её рук замерцал ярче.

— Ты не говорил этого раньше.

— Я не знал, как это сказать.

— А сейчас знаешь?

Кэйлен шагнул к ней. Взял её светящиеся руки в свои. Посмотрел в глаза. В его черных глазах отражалось её сияние, и казалось, что в самой тьме зажглась звезда.

— Нет, — сказал он. — Но я знаю, что это правда.

Он наклонился и поцеловал её. Впервые с того дня в лесу. Но сейчас это было не нежное прикосновение, а обещание. Твердое, горячее, настоящее. Губы его были горячими, и Лирэль чувствовала, как свет её рук перетекает на его лицо, освещая острые скулы, шрам на брови, черные глаза, в которых теперь горело золото. Трон из кости дракона тихо скрипнул...

Всё рухнуло. Двери зала распахнулись. Ворвались стражники — целый отряд. В черных доспехах, с копьями, лица были скрыты капюшонами. Вперед зашел старейшина, тот самый, что председательствовал на Совете.

— Именем Совета Старейшин, — произнес он. Голос его был сухим, как пергамент. — Вы задержаны до вынесения вердикта.

— По какому праву? — Кэйлен шагнул вперед, заслоня Лирэль. — Я принц.

— По праву Закона Теней, — старейшина не дрогнул. — Тот, кто вводит чужака в Священный Чертог, теряет защиту клана до решения Совета. Принц, сложите оружие. Вы более не подлежите защите.

— Я не предатель.

— Это решит Совет.

Стражники двинулись вперед. Кэйлен потянулся к мечу, но старейшина поднял руку.

— Не стоит, принц. Их двадцать. Ты один. И твоя рана в боку вот-вот раскроется.

Кэйлен замер. Лирэль почувствовала, как под её пальцами его мышцы непроизвольно дрогнули — боль пронзила бок, отдавая в плечо. Он стиснул зубы, выпрямляя спину, но ярость в глазах не угасла.

— Не надо, — прошептала она. — Пожалуйста.

Он посмотрел на неё. В его глазах горела ярость, но в ней было и что-то еще — понимание, что он не сможет защитить её здесь и сейчас. Но сможет сделать это позже.

— Я приду за тобой, — сказал он тихо. — Клянусь.

— Я знаю.

Стражники развели их в стороны. Кэйлена повели в одну сторону, Лирэль в другую. Она успела увидеть только его спину: прямую, напряженную, уходящую в темноту. И услышать его голос:

— Если с ней что-то случится, я сожгу этот город дотла.

Глава 6. Лед её взгляда против пламени его клинка

Лирэль очнулась от холода. В ушах все еще звенело. В затылке пульсировала тупая боль, и каждый удар сердца отдавался глухим гулом. Лирэль попыталась открыть глаза и поняла, что разницы нет. Тьма была полной, абсолютной, не терпящей даже намека на свет.

Она лежала на чем-то жестком. Камень. Холодный, влажный, впивающийся в спину неровностями, которые, казалось, были созданы специально, чтобы не дать забыть о боли.

— Где я? Воспоминания возвращались обрывками. Дворец. Трон. Кэйлен. Поцелуй. А потом — стражники, крики, удар. Чья-то рука, грубо схватившая её за плечо. Темнота...

— Очнулась? Голос пришел из темноты. Женский, низкий, с хрипотцой. Лирэль узнала его сразу, хотя слышала всего раз.

— Найра?

— Она самая.

Тихие шаги, скользящие, как у хищницы, идущей за добычей направились к ней. Найра вышла из темноты, и свет — слабый, зеленоватый, откуда-то сверху, упал на её лицо. Острые скулы, твердые губы, глаза, в которых не было ничего. Кроме холода и чего-то еще, спрятанного глубже, на самое дно.

В руках она держала поднос. На нем: хлеб, кувшин с водой, кусок сыра, даже горсть сушеных фруктов. Простая еда, но пахла она так, что у Лирэль свело желудок.

— Не ждала меня? — Найра поставила поднос на пол, и глиняная посуда глухо стукнулась о камень. — Думала, я буду рада, что тебя бросили в каменный мешок?

— Не знаю, — Лирэль осторожно села, прислонившись спиной к стене. Камень был ледяным, и она вздрогнула. — Что я должна думать?

— Ничего. — Найра присела на корточки напротив. Теперь их лица были на одном уровне. — Ты здесь, чтобы ничего не думать. А сидеть, ждать и не мешать.

Она пододвинула поднос ближе. Лирэль заметила, что еда была лучше, чем можно было ожидать для пленницы. Хлеб свежий, еще теплый. Сыр белый, мягкий, дорогого сорта. Вода чистая, без осадка.

— Это ты принесла?

— А кто еще? — Найра усмехнулась, но усмешка вышла наигранной. — Твой темный принц сейчас на Совете. Его держат старейшины. Говорят, он предал свой народ, приведя сюда светлую.

— Он не предатель.

— Он привел врага в наш дом. — Голос Найры стал жестче. — По нашим законам, это предательство.

— Я не враг.

— Ты светлая. Этого достаточно.

Они смотрели друг на друга. Лирэль чувствовала, как силы уходят. Капля за каплей, вместе с теплом, которое высасывал из неё холодный камень. Но она не отвела взглядом.

— Зачем ты пришла? — спросила она. — Просто принести еду? Или убедиться, что я еще дышу?

Найра молчала. Так долго, что капли воды в темнице отсчитали десять ударов.

— Он просил, — сказала она наконец. Голос её стал тише, и в нем пропала сталь. Осталась только боль. — Прежде чем его увели. Он сказал: «Позаботься о ней». — Она усмехнулась, и в этом было столько боли, что Лирэль стало не по себе. — Всегда просит. Всегда я помогаю.

— Ты любишь его, — сказала Лирэль. Это был не вопрос. Найра посмотрела на неё. В темноте её глаза блеснули — не гневом, а чем-то другим. Тем, что прячут глубоко, чтобы никто не увидел.

— Ешь, — сказала она, вставая. — Завтра будет допрос. Силы понадобятся. Она развернулась и шагнула в темноту.

— Найра.

Та остановилась. Но не обернулась.

— Спасибо.

— Не за что, — ответила Найра. И добавила тише, словно самой себе: — Я не для тебя стараюсь. Тень поглотила её. И Лирэль осталась одна.

Она взяла хлеб. Он был будто только что из печи. Найра принесла его прямо из пекарни, не из тюремной кухни. Лирэль откусила и почувствовала, как к глазам подступают слезы. Не от боли. А от понимания, что эта темная женщина, которая ненавидит её, только что сделала больше, чем кто-либо из её народа.

Допрос начался на рассвете. Лирэль не видела солнца — здесь, под землей, не было расветов. Но она почувствовала. Камень изменил температуру, стал теплее. Где-то глубоко, в недрах города, зажглись огненные реки ярче. Её вывели из темницы двое стражников. Молчаливые, в черных доспехах, с лицами, скрытыми капюшонами. Они не смотрели на неё и не трогали. Просто шли по обе стороны, отрезая пути к бегству.

Коридоры были длинными, извилистыми, и Лирэль показалось, что она уже никогда не увидит света. Стражники шли уверенно, сворачивали в нужных местах, и наконец перед ней открылась тяжелая дверь из черного металла.

— Входи, — сказал один из стражников.

Лирэль шагнула внутрь. Зал был небольшим: круглый, с куполообразным потолком, который уходил вверх, теряясь в темноте. В центре — каменное кресло с высокой спинкой. В кресле сидел старейшина. Она не знала его имени. Но поняла сразу. Он был стар — старше, чем любой темный, которого она видела. Кожа его была серой, как пепел, и лежала на костях тонкой паутиной. Глаза — белые, без зрачков, слепые. Они смотрели сквозь неё, в никуда.

— Лирэль, дочь Верховного Лорда Элиана, — сказал он, и голос его был сухим, как шелест старой бумаги. — Садись. Она села. Стул был деревянным, грубым, и она чувствовала каждую неровность.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросил старейшина.

— Чтобы вы меня судили.

— Судили? — Он засмеялся. — Нет, дитя. Судить тебя не за что. Ты не преступница. Ты — гостя.

— Меня бросили в темницу.

— Тебя спрятали, — поправил он. — Чтобы другие не убили тебя раньше времени.

Лирэль промолчала.

— Расскажи мне о кольце, — сказал старейшина. — О том, что ты чувствуешь.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Понимаешь. — Его белые глаза, казалось, смотрели прямо в неё. — Ты светишься, девочка. В нашем городе, где нет света, ты несешь его с собой. Твое тело помнит то, что ты еще не нашла.

Лирэль посмотрела на свои руки. Они не светились. Сейчас почему-то нет.

— Я не знаю, что это, — сказала она.

— Ложь. — Голос старейшины стал тверже. — Ты чувствуешь. Каждую ночь ты видишь сны. Храм. Два кольца. Свет и тьма, которые тянутся друг к другу.

Лирэль вздрогнула. Откуда он знает?

— Я вижу не сны, — сказала она. — Я вижу то, что было. То, что будет, я к сожалению не знаю.

— Но ты чувствуешь, — настаивал он. — Ты знаешь, где оно. Светлое кольцо. Оно зовет тебя.

— Может быть.

— Где оно?

Она молчала. Не потому, что не хотела говорить. А потому что не знала. В её снах кольцо было далеко, за горами, за реками, в месте, где время остановилось.

— В храме, — сказала она наконец. — В древнем храме. Но я не знаю, где он находится. Старейшина взял паузу. Потом кивнул.

— Достаточно, — сказал он. — Уведите её.

Стражники шагнули вперед. Но в этот момент дверь распахнулась. И в зал вошел Кэйлен.

Он был страшен. Лирэль никогда не видела его таким. В шатре, в лесу, на дороге: он был таким сдержанным, холодным, контролировал каждое движение. Сейчас контроль ушел. Он будто сорвался. Растворился в чем-то древнем и темном, что жило в нем с рождения.

Глаза его горели. Не красными искрами, а огнем. Черным, глубоким, живым. Он заполнял зрачки, вытекал из них, и казалось, что сам воздух вокруг него плавится. Тени сворачивались у его ног, как преданные псы, готовые к броску. Они росли, тянулись к стенам, к потолку, заполняя зал.

В руке он держал меч. Тот самый, что она видела в лесу. Темный, матовый, не отражающий света. Лезвие его было покрыто письменами, и они светились слабым багровым цветом в такт его дыханию. Но главное было на его руке. Темное кольцо Лирэль увидела его впервые. Раньше оно висело у него на шее, скрытое под тканью, но сейчас Кэйлен переместил его на палец, чтобы выпустить магию наружу. Оно было живым. Черный металл, гладкий, отполированный, без единого камня. Но в глубине его, там, куда не доставал свет, двигалось что-то: тени, суетились в темноте, как рыбы в черной воде. Они сворачивались в спирали, распускались, как цветы, сжимались в точки и снова разрастались. Иногда, в такт его дыханию, из глубины вырывалась тонкая струйка черного дыма, и тут же втягивалась обратно, будто кольцо дышало.

Когда Кэйлен двигался, тени в кольце двигались следом. Когда он замирал, они замирали тоже, затаив дыхание, готовые к броску.

Кольцо дышало. Лирэль чувствовала это даже на расстоянии. Оно пульсировало: медленно, ритмично, как второе сердце. И с каждым ударом этого пульса тени вокруг Кэйлена становились гуще, чернее, плотнее. Они тянулись к нему, обвивали его ноги, поднимались выше, к коленям, к бедрам, и он не отталкивал их. Они были частью его.

— Кэйлен, — сказал старейшина. — Ты не имеешь права...

— Я имею право на всё, — перебил Кэйлен. Голос его был низким, вибрирующим, и камни в стенах, казалось, отвечали ему. — Я — наследник. Я — принц этого города. И я приказываю отпустить её.

— Она светлая, — напомнил старейшина. В его голосе впервые проступило что-то похожее на страх.

— Она со мной.

Стражники, державшие Лирэль, попятились. Не потому, что испугались. Потому что тени, сворачивающиеся у ног Кэйлена, начали расти, заполнять зал, душить свет. Они тянулись к стражникам, обвивали их ноги, поднимались выше, и те отступали, отходили, пока не вжались в стены.

Кэйлен поднял руку с кольцом, и тени послушно потянулись за его жестом. Они текли по воздуху, как черная вода, окутывали кресло старейшины, поднимались по стенам, закрывали барельефы.

— Ты не посмеешь, — прошептал старейшина.

— Я уже терял однажды того, кого любил. — В голосе Кэйлена проступило что-то древнее, тяжелое. Что-то, что жило в нем двадцать три года.

— Я стоял и смотрел, как горит мой брат. Я не сделал ничего. Я смотрел, как пламя пожирает его лицо, как плавится кожа, как он кричит. И я не сделал ничего.

Он подошел к креслу старейшины. Тени сгустились вокруг, и старейшина вжался в спинку, его белые глаза расширились.

— Я поклялся себе, — продолжил Кэйлен, и голос его стал тише, но тяжелее, — больше никогда. Никогда не стоять и не смотреть. Никогда не позволить страху сковать меня. Никогда не терять того, кого люблю.

Он поднял руку с кольцом, и тени взметнулись к потолку, закружились в бешеном танце. Кольцо на его пальце вспыхнуло, но не светом, а тьмой. Из глубины металла вырвались струи черного дыма, закрутились вокруг его руки, обвили предплечье, плечо, шею. Они ластились к нему, как верные псы, как части его самого. Лирэль видела, как дым проникает под кожу, сливается с ней, становится ею.

— Я не хочу использовать его, — сказал Кэйлен. — Но если ты тронешь её... Он не закончил. Это и не нужно было. Тени замерли. Воздух в зале стал плотным, как вода. Старейшина смотрел на кольцо, и в его белых глазах отражалась черная пульсация.

— Уходите, — сказал он наконец. — Оба. Но запомни, принц: этот город не прощает предательства. Ты выбрал её. Теперь ты ответишь за свой выбор.

Кэйлен не ответил. Он опустил руку, и тени медленно, неохотно втянулись обратно в кольцо. Черный дым сворачивался, сжимался, исчезал в глубине металла, и кольцо снова стало гладким, черным, обычным. Только пульсация осталась — едва заметная, как биение сердца зверя, затаившегося в темноте.

Он подошел к Лирэль, взял её за руку. Его пальцы были горячими и дрожали. А на руке кольцо все еще пульсировало: медленно, ритмично, как второе сердце.

Он вел её через коридоры быстро, почти бегом. Лирэль едва поспевала: ноги заплетались, голова кружилась, и каждый шаг отдавался болью в затылке. Кровь из рассеченной головы снова потекла, Лирэль чувствовала её липкость на шее, за воротником туники. А Кэйлен бежал сквозь боль: она видела, как он прижимает левую руку к боку, как мышцы под туникой непроизвольно спазмируют с каждым шагом. Рана в плече пульсировала, отдавая в ключицу, но он не сбавлял темпа. Его рука сжимала её запястье, и она чувствовала, как бьется его пульс: быстро, неровно. Кольцо на его пальце все еще пульсировало в такт.

— Куда мы? — спросила она, задыхаясь.

— Подальше отсюда.

— Но твой город...

— Мой город хочет тебя убить. — Он резко остановился, повернулся к ней. В темноте его лицо было бледным, глаза: черными, бездонными, и в них все еще горел тот странный огонь. Кольцо на его руке стало светиться слабее, свет угасал. — Я не могу этого допустить.

— Что ты сделаешь?

— Не знаю. — Он провел рукой по лицу, и Лирэль увидела, как дрожат его пальцы. Кольцо дернулось, выпустило тонкую струйку тьмы, которая тут же втянулась обратно.

— Но я не позволю им причинить тебе боль. Он снова потянул её за руку, но Лирэль не двинулась с места.

— Кэйлен, — сказала она. — Посмотри на меня. Он посмотрел.

— Ты дрожишь, — сказала она.

— Я в порядке.

— Нет. — Она подошла ближе и взяла его лицо в ладони. Кожа была горячей, слишком горячей, но под ней чувствовалась дрожь. Мелкая, нервная, как у загнанного зверя.

— Ты не в порядке. Ты боишься?

— Я боюсь за тебя, — выдохнул он. В этом выдохе было всё: двадцать три года вины, молчания и смертельных обещаний самому себе.

— Не надо. Я сильная.

— Я знаю. — Он обнял её. Пальцы его были горячими и она чувствовала, как они все еще дрожат. Кольцо коснулось её запястья, и она вздрогнула. Прикосновение было холодным, ледяным, как сама смерть. Но она стояла как вкопанная.

— Но я не хочу, чтобы ты была сильной. Я хочу, чтобы ты была в безопасности.

— Мы будем в безопасности. — Она посмотрела ему в глаза, ища там то, что видела в лесу, в тот первый раз... Веру. — Вместе.

Он смотрел на неё. Казалось так долго, что тени вокруг них начали успокаиваться, сворачиваться, затихать. Кольцо перестало пульсировать.

— Идем, — сказал он. — Я знаю одно место. Там нас не найдут. Он повел её дальше, и Лирэль шла за ним, чувствуя, как его пальцы сжимают её запястье. Крепко. Надежно. Как в ту ночь, когда они бежали из горящего леса. Кольцо успокоилось, затаилось. Как хищник, который знает, что время еще не пришло.

Они вышли в небольшой дворик, скрытый между двумя зданиями. Здесь не было черных фонарей, только звезды. Не настоящие, отраженные в кристаллах, вплавленных в скалу. Они мерцали слабым голубоватым светом, и Лирэль показалось, что она снова видит небо. Кристаллы были разной величины: крупные, размером с кулак, и совсем маленькие, как горошины, и все они светились ровным, холодным светом.

В центре дворика росло дерево. Черное, с серебристыми листьями, которые тихо шелестели, даже когда ветра не было. Листья были тонкими, почти прозрачными, и на свету кристаллов казалось, что они светятся изнутри. Под деревом: каменная скамья, старая, стертая временем, с едва заметными письменами на спинке.

Кэйлен отпустил её руку и отошел к стене. Прислонился спиной к камню, закрыл глаза. Дыхание его было тяжелым, неровным.

— Прости, — сказал он.

— За что?

— За то, что втянул тебя в это. За то, что привел сюда. За то, что не уберег. За то, что...

— Замолчи. Она подошла к нему и встала рядом. Плечом к плечу, как тогда в лесу. Чувствовала его тепло, слышала его дыхание.

— Я сама сделала этот выбор, — сказала она. — Я спасла тебя и решила бежать. Я пришла сюда и это не твоя вина.

— Но если бы я не...

— Если бы ты не появился в моем лагере, я бы вышла замуж за Вэйна. — Она улыбнулась. — И была бы несчастна до конца жизни. Так что спасибо.

Кэйлен открыл глаза. Посмотрел на неё. В темноте его глаза отражали звезды — те, что были в кристаллах, и те, что были внутри него.

— Ты странная, — сказал он.

— Я знаю.

— Ты должна меня ненавидеть.

— А мне кажется, что я люблю тебя.

Слова вырвались сами. Она не планировала их говорить. Не готовилась. Просто как подумала, так и сказала. Они повисли в воздухе, теплые, живые, и Лирэль почувствовала, как сердце забилось быстрее. Кэйлен замер.

— Ты не должна этого говорить, — сказал он с осторожностью.

— Почему?

— Потому что я темный. Потому что я враг. Потому что я...

— Ты — тот, кто спас меня из темницы. Тот, кто рисковал жизнью ради меня. Тот, кто смотрит на меня так, будто я — единственное, что имеет значение. Она шагнула ближе. Их разделял один шаг. Один вдох и удар сердца.

— Я люблю тебя, Кэйлен, — повторила она. — И мне плевать, кто ты. Светлый, темный, король, предатель. Я все равно тебя люблю.

Он смотрел и звезды в кристаллах, казалось, сдвинулись с места. Его глаза, черные и бездонные, впитывали её, как тени впитывают свет. А потом он сделал то, чего не делал искренне очень давно. Он улыбнулся: по-настоящему, не криво, не горько, а тепло. Так, будто внутри него наконец-то растаял лед, сковавший сердце двадцать три года назад.

— Я тоже, — сказал он. — Люблю. Хотя не должен.

— А я не должна была тебя спасать.

— Мы оба нарушили правила.

— Значит, нам по пути. Она взяла его за руку. Он сжал её пальцы. Кольцо на его пальце было холодным, но его ладонь горячее. И в этом противоречии, соединении холода и тепла, было что-то правильное. Что-то, что имело место быть.

А потом Лирэль услышала звук. Тихий. Скребущий. Металл о камень. Кэйлен напрягся. Тени вокруг него сгустились, кольцо на его пальце дернулось.

— Тихо, — сказал он. — Это...

Он не договорил. Из прохода, ведущего во дворик, показалась пума. Не та, огромная, что лежала у ног Валиана. Другая. Молодая. Черная, с багровыми искрами, которые пробежали по шкуре, как молнии. Она хромала — на левой передней лапе виднелась глубокая царапина, еще свежая, кровь капала на черный камень. Шерсть была взъерошена, в нескольких местах выдрана клочьями.

Лирэль узнала её. Та самая. Из ямы, младшая. Та, что смотрела на неё золотыми глазами без страха.

— Как она... — начала Лирэль.

— Выбралась, — закончил Кэйлен.

Пума остановилась на краю дворика. Посмотрела на них. Её глаза были спокойны, но в них читалась усталость: долгая, тяжелая борьба. Лирэль представила, что происходило...

Гладкие стены ямы, отполированные когтями тех, кто пытался выбраться. Глубокая, очень глубокая яма. И эта — маленькая, молодая карабкалась вверх, срывалась, снова карабкалась, оставляя на камне когти, шерсть, кровь. Пока не добралась до края.

— Она спаслась, — тихо сказала Лирэль. — Сама.

Пума шагнула вперед. Не торопясь, осторожно, как зверь, который проверяет, можно ли доверять. Лапы её ступали бесшумно, и багровые искры на шкуре вспыхивали ярче с каждым шагом. Она подошла к Кэйлену, села у его ног и подняла голову.

Их глаза встретились: черные и золотые. В них было что-то общее. Что-то, что не передать словами.

Кэйлен медленно, очень медленно, опустил руку. Пума не отшатнулась. Она смотрела на него, и в её взгляде не было страха. Только ожидание... Его пальцы коснулись её головы. Шерсть была жесткой, теплой, и под ней чувствовалась дрожь: не страх, а напряжение мышц, готовых к броску. Кэйлен провел рукой по её голове, по шее, по спине. Пума закрыла глаза. Дрожь утихла.

— Она выбрала тебя, — сказала Лирэль.

— Похоже на то. Кэйлен опустил на корточки, осматривая раненую лапу. Пума не сопротивлялась. Она даже приподняла лапу, позволяя ему смотреть.

— Глубоко, — сказал он. — Но не смертельно. Он разорвал подол своей рубахи и перевязал рану. Пума терпела, только изредка поскуливая, когда ткань касалась открытого мяса.

— Ты сильная, — сказал он ей. — Ты выбралась сама. И это дорогого стоит.

Пума лизнула его руку. Шершавый язык прошелся по пальцам, по кольцу, и Лирэль заметила, как на мгновение багровые искры на шкуре зверя вспыхнули в такт пульсации кольца.

— Она чувствует его, — сказала Лирэль. — Кольцо.

— Ониксовые пумы рождаются в лаве, — ответил Кэйлен. — Они часть тьмы, как и оно. Пума ткнулась носом в его ладонь, и из её пасти вырвался тихий звук: не рык, не мурлыканье, а что-то среднее похожее на приветствие.

— Теперь ты тоже с нами? — спросил Кэйлен.

Пума тихо рыкнула. В рыке не было угрозы, только согласие. Она легла у его ног, положив голову на лапы, и закрыла глаза. Её дыхание стало ровным, спокойным. Она была дома. Кэйлен посмотрел на кольцо. Оно было: черное, гладкое, безмолвное. Но Лирэль чувствовала: оно ждет. Оно всегда ждет.

— Нам нужно уходить, — сказал он. — Старейшины не простят мне того, что я сделал.

— Куда мы пойдем?

— Есть одно место. За горами. Нейтральные земли. Там нас не найдут.

— А твой город?

Кэйлен посмотрел в темноту, туда, где за стенами двора спал Город Теней.

— Мой город, — сказал он, — не принял меня. Может быть, когда-нибудь я вернусь. Но не сейчас. Он взял её за руку.

Он не повел её дальше в ночь. Сил не было ни у него, ни у неё, ни у раненой пумы. Дворик был скрыт от глаз, защищен тенями и тишиной. Это было лучшее укрытие до рассвета.

— Отдохнем здесь, — сказал Кэйлен, опускаясь на каменную скамью.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.